

Сергей ШАКУРИН

Цеповедь зверя

18+

Невольные избранники

Сергей Шакурин

Исповедь зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Шакурин С. В.

Исповедь зверя / С. В. Шакурин — «ЛитРес: Самиздат»,
2001 — (Невольные избранники)

ISBN 978-5-8000-0027-6

Он хотел избавить людей от кровожадного хищника. Он хотел освободить девушку. Но он сам стал... свирепым, безжалостным зверем. А ты бы хотел по собственной воле стать ВОЛКОМ? Почувствовать СВОБОДУ? Кто сказал, что обратной не существует?.. (первая книга серии).

ISBN 978-5-8000-0027-6

© Шакурин С. В., 2001
© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Здесь нет судьбы – Предназначение!
Вот, что писалось в письменах.
Пришло не чёткое виденье,
Как будто призрак в облаках.
И вот уж тот, кого избрали,
Бредёт, неся кровавый крест,
Как бы не бился он в начале,
Всё же, осталось, так, как есть...

Есть очень много историй похожих друг на друга. Я не буду утверждать, что эта история исключение...

* * *

Лето 2000 год.

– ...Новосибирскую область охватила паника. На скот нескольких деревень стали нападать волки. Давно в этих краях такого не случалось... – эта фраза из телевизора вытащила меня с кухни.

«Странно, – подумал я. – Новости первого канала. Чем так заинтересовали Москву эти нападения?..»

Но после того как показали растерзанных животных, я больше вопросов не задавал. У коровы не просто разорвали горло, у неё ещё был прокушен череп. Судя по пролому на нём, зверь превышал все мыслимые и не мыслимые размеры. Меня это заинтересовало. Так как показали мало, я посмотрел по программе, когда следующие новости и поставил видеомagni-тофон на таймер.

Вечером сел просмотреть видеозапись. В новостях показывали растерзанных животных, но было странным, расположение ран от лап волка – будто хищник обхватил скотину словно человек, и обхват был широким. У меня в голове сразу вспыхнула яркая картинка: огромный чёрный оборотень, сидит над тушей коровы с прокушенным черепом. Из пасти зверя капает кровь...

Я тряхнул головой:

«Да, много фильмов смотрю про оборотней».

Можно сказать, что я даже поверил в то, что это оборотень. А в этот момент брали интервью у одного мужика из деревни.

– ...эти нападения продолжаются уже полгода, и только сейчас нас услышали. Все деревенские охотники ходят по лесу, много волков перестреляли, но такого огромного никто не видел. Если находили его следы, пытались вытропить, но они всегда выводили на дорогу, а на гладкой укатанной трассе, собаки теряли след.

Мне стало смешно, всё происходящее я приравнивал к появлению оборотня, но всё-таки понимал, что это моё богатое воображение.

«Вот, баран, начитался про Мрака¹...» – подумал я и выключил видеомagniтофон.

На работе с мужиками я обсуждал все эти происшествия. Мой друг Серёга, тёзка, постоянно с гладковыбритой головой, и усами как у Тараса Бульбы, тоже охотник, как и я. Мы с ним представляли, как выслеживали бы зверя, но поехать туда нам не позволяет работа. А нападения всё продолжались. Уже никто не сомневался, что нападает один волк. Было очень странно, что его никто до сих пор не видел.

Как-то раз вечером мне на работу звонит сестра.

¹ Мрак, – герой романов Юрия Никитина.

- Серёга, в новостях сказали, что волк утащил ребёнка, представляешь?!
- Ты записать не забыла?
- Нет, не забыла.
- Ладно, я завтра приеду, посмотрю.

С этого дня в тех краях стали пропадать дети и женщины. Я вспомнил, как в одной из брошюр «Знание» писали, где-то на юге Франции, в середине XVIII века, волк терроризировал какие-то там районы больше двух лет. В общем – он задрал сто двадцать три человека.

Как же всё это походило на то, что творилось у нас в Сибири. Президент, как и в далёком XVIII веке, выслал туда самых лучших охотников. Много перебили волков в области, но тот, кого искали, им не попался.

Я постоянно записывал все новости о звере. Охотники, отправленные президентом, находили останки жертв. В вечерних новостях показали одну из них: женщина с разорванной грудью и прокушенным черепом. Вся страна в ужасе следила за трагедией. И всё же, пока промысловики были в тех краях, волк прекратил свой смертоносный путь.

Наступила осень. Уже почти два месяца не было нападений, и люди в деревнях начали успокаиваться. Но забыть о звере никто не мог. Каждый звук в ночи заставлял вздрагивать. Президент отозвал отряд охотников из области, несмотря на то, что селяне были против этого.

* * *

В этом году как-то рано лёг снег. Крупные белые мухи, уверенно покрывали черноту земли. Днём, под лучами солнца и там, где асфальт скрывает обогревающие весь город вены тепловых сетей, снег таял, а ближе к вечеру всё сковывало морозом. Уже в октябре наступила настоящая зима. А я всё так же изучал записи новостей. Не может быть, чтобы волк так просто ушёл. И я оказался прав...

Морозным ноябрьским утром в новостях сообщили, что в деревне Тартас, зверь совершил нападение на двух мужчин. Один остался жив, он сейчас в больнице. Днём, этого же дня, я записал новости. В них говорили:

– ...двое мужчин ехали на машине и, как в настоящих фильмах ужасов, у них в лесу закончился бензин. Погода стала портиться, начиналась вьюга. Они решили пешком добраться до деревни, ведь до неё оставалось всего четыре километра... А теперь послушайте, что рассказывает потерпевшего.

Мужчина, лет сорока пяти, с почти полностью побелевшими волосами, сидел с потерянным видом. Репортёр дал ему стакан воды. Тот выпил и как замороженный, без эмоций, глядя в одну точку, заговорил:

– Время было около шести вечера. Начало смеркаться. Мы шли, шутили, вспоминая как летом, за сто километров от нашей деревни свирепствовал хищник... и что вот сейчас он нападёт на нас... и вдруг... где-то не далеко, завыл волк... Вой был такой страшный, что меня бросило и в жар, и в холод одновременно. Вой повторился уже ближе. Мы рванули обратно... К машине... (пауза, ему снова дали воды, он трясущимися руками взял стакан, отхлебнул пару глотков и продолжил). Ветер со снегом мешал. Опять вой, – слова человека, падали, как пудовые гири. – Ноги ватные стали. И вдруг. Рычание. Рядом... (он побледнел, и закрыл лицо руками, а когда продолжил, в глазах были слёзы). Я даже не обернулся! Чёрт!.. (он закрыл глаза рукой). В ушах до сих пор стоит крик... Он помочь просил... А я... (пауза). Я эту чёртову дверь, не мог открыть!.. – сорвался на крик потерпевший, и надолго замолчал.

– Что было дальше? – осторожно спросил репортёр.

Безумными глазами он посмотрел на репортёра, и продолжил:

– Дверь открылась. Зверь рванул ко мне... Влетев внутрь захлопнул... а тот, прыгнул на капот... и с маху в стекло... оно в мелкую сетку. Стекло провалилось вовнутрь... (он опять побледнел).

– Так как же вам удалось спастись? – с волнением в голосе спросил репортёр.

– Я с сидения сполз, упёрся в стекло руками. А потом... Сзади свет. Из-за поворота. Тут же почувствовал, как зверь прыгнул... Рядом остановилась машина. Из неё кто-то выскочил, и подбежал ко мне. А я... наверное, потерял сознание.

Репортёр продолжил рассказ:

– Двое, подъехавшие на грузовике, затащили человека без сознания в кабину. Потом положили истерзанное тело в кузов и поехали в сельскую больницу.

Водитель ЗИЛа, угрюмый человек, с длинными тёмно-русыми волосами и сросшимися на переносице бровями, оказался не многословен. Он рассказал, что, когда осветили фарами машину, с неё прыгнул и тут же бросился вглубь леса огромный зверь. Кто это был, они не разглядели. На следующее утро местные охотники поехали в лес. Следов, конечно, не нашли, выюга сделала своё дело, замела следы волка-людоеда. А машину, которую обнаружили, мы вам сейчас покажем, – закончил репортёр.

Да, машина действительно оказалась изуродована. Капот сильно промят, с рваными бороздами на металле, стекло внутри, в салоне. Все это было залито замёрзшей кровью.

– Да-а, – протянул я, – продолжение следует.

И волна убийств пошла по новой, только теперь он чаще нападал на крепких мужчин. Такое ощущение, будто тогда, весной и летом, он только пробовал свои силы, а сейчас, поняв, на что способен, охотится на более крупную добычу. И всё так же перед выюгой, метелью.

Наблюдая за всеми трагедиями, я вспомнил, как одна знакомая девчонка по имени Иринка, мне рассказывала бабушкины сказки. У них в деревни, кажется Окунёвка её название, есть «ведьмены круги» в лесу. Вообще-то, «круги», есть во всех лесах. Где-то они выделяются мухоморами, где-то ещё как, а в их лесу они образуют замкнутое кольцо, в диаметре два-три метра, более тёмной травой. Бабка ей рассказывала, что в них не только ведьмы да колдуны входят, но там, в этих кругах, ещё и оборачиваются в волков с помощью специального ножа.

Я тут же стал вспоминать, как туда добраться.

– Сначала до Белова. Потом полтора часа до станции... как же... чёрт бы её подрал, на Б... Боромирово, нет. Б, Б, Б... а-а, Бормотово! Точно! А дальше... Так, где карта? Надо найти эту Окунёвку и сравнить где были нападения первый и второй раз... Так, слушай, а ведь это вполне может быть, что оттуда волк и пришёл, – прикинул я расстояние по карте. – Эх, лето надо быстрее. Хотел же я по осени туда съездить, найти тот нож... – тут же поймал себя на мысли: «Зачем мне этот нож, а вдруг, это правда? Тогда что? Будет два волка-убийцы?». – Да какие же у меня глупые мысли в голове, это я на работе, наверное, устаю, вот и лезет в башку что попало. Надо отдохнуть. Возьму по весне отпуск и поеду куда-нибудь... например, в Окунёвку. Тьфу ты чёрт!..

Теперь эти случаи не давали мне покоя. Постоянно думая о трагедии, я старался об этом никому не говорить, а то скажут, что у меня крыша поехала.

Кроме того счастливица, что заперся в своей машине, никто в живых после встреч с ним не оставался.

Наш президент не стал отправлять новый отряд стрелков, он сделал проще. По центральному телевидению призвал всех местных охотников, чтобы они сами избавились от своей проблемы, пообещав вознаграждение – тому, кто убьёт этого волка, пять тысяч долларов.

Стимул отличный. Я даже чуть сам с места не сорвался. Сразу прикинул, чтобы приобрёл на эти деньги. Но всё-таки с работы решил не отпрашиваться, подумав: «В одиночку я всё равно его не найду, вон сколько охотников его искали... А толку? Так что и не стоит дёргаться».

Жизнь – двигалась по накатанной колее. Прошёл декабрь. Зверь, обрекая всех на гибель, продолжал свой кровавый поход.

На Новый год в деревне Вознесенка, он устроил настоящую живодёрню, задрал две семьи. Детей не было ни в той, ни в другой, они отдыхали с друзьями. А когда утром вернулись... Зверь, как художник, рисовал картину ужаса... В одной семье он разорвал мать и отца пополам, растащив их по разным комнатам, а в другой оторвал родителям головы и изуродовал тела.

Но жертв уменьшилось, так как охотники даже по ночам сторожили деревни.

* * *

Девятое января. Вечер. Звонит телефон.

– Здорово, Серый! – весело закричал на другом конце провода, высокий, рыжеволосый парень, с греческим носом и голубыми глазами, по имени Игорь. Мой бывший одноклассник, занимался сбытом металлургического товара, и поэтому мотался по городам, заключая договоры.

– Привет, Игорян!

– Серёга, хочешь составить мне компанию? Прокатиться в Омск, туда и обратно.

– С удовольствием. Это надолго?

– Дня три-четыре.

– Поехали. Только давай заедем в одну деревушку. По пути это. У меня родственники там. (Я решил, что это шанс съездить в те места, благо, что Игорь не интересуется новостями и сообщение о волке, пропустил мимо ушей, а так бы он не согласился). В общем, мы поехали. Я взял с собой свою двустволку и пулевых патронов. И как мне тогда казалось, к встрече был готов.

Всю дорогу мы с ним разговаривали, точнее, он думал, что мы с ним разговариваем. На самом деле, я его даже не слышал, так поддакивал, соглашался, но мысли мои были там, в холодных заснеженных лесах, где смерть подстерегает тебя за каждым деревом. Честно говоря, я даже не представлял, зачем туда еду. Но, когда думал, что нахожусь в лесу, кровь начинала кипеть, бурлить. Нет, не от страха, было что-то другое, какое-то возбуждение, словно на мою территорию вторгся волк, и мне его надо за это уничтожить.

«Мне просто надо там побывать, – говорил сам себе, после того как картинки моей фантазии исчезли. – Но зачем?.. Не знаю».

Когда мы приехали в Омск, я зашёл в охотничий магазин и для чего-то ещё купил пулевых патронов.

– Ты что, на медведя собрался?.. – улыбнулся Игорь.

– Да дешевле здесь, Игорян.

– А-а... – протянул он, – понятно.

На обратной дороге из Омска, сразу собрал ружьё и зарядил. Игорь посмотрел на меня, но ничего не сказал. А я уже сидел на взводе, было такое ощущение, что мне в вены влили два ведра адреналина. Кровь неслась по ним с космической скоростью. Сердце пыталось выпрыгнуть из груди.

Мы доехали до станции Чаны и повернули на Тартас. Некоторые участки дороги проходили по лесу. Когда мы их проезжали, я пристально разглядывал каждый куст, там, где мог быть хищник, но нигде никакого движения.

Погода стояла отличная, ярко светило солнце, снег блестел так, что на него невозможно было смотреть. Вьюгой даже не пахло, и до вечера далеко. Я решил, что, вряд ли зверь появится в такую погоду. А дорога всё тянулась и тянулась, разрезая плотно растущий лес, через который она сейчас проходила, на две половины.

Я всё также всматривался в деревья, кустарник, и как обычно ничего не видел. Простенькая из иномарок «Дэу-нэксиа», дорогу держала хорошо, мы как будто плыли по накатанному снегу. Вдруг Игорь начал тормозить.

– Ты чего?.. – удивился я.

– Отлить надо.

– Игорян, тут лес кругом. Давай к полям выедем, – серьёзно сказал я.

– Ага. Выйду в поле, сяду...

– Потерпи ещё немного, – настаивал я.

Мне почему–то не хотелось останавливаться именно сейчас.

– Ты чё, совсем уже? – он покрутил пальцем у виска.

– А вдруг, какая зверюга выскочит?..

– Ты и пристрелишь её. Вон патронов сколь набрал, – он остановился и вышел.

Схватив ружьё, я тоже выскочил. Слева хрустнула ветка, я мгновенно повернулся в сторону звука. Тишина... Потом хрустнуло чуть правее, опять направил ружьё на звук... но движения никакого не было...

Не знаю, какое у меня было выражение лица, но Игорь, глядя на меня, с испугом сказал:

– Поехали отсюда.

Когда мы сели в машину, я понял, что на улице испытывал страх, но не за себя, а за Игоря, ведь это я его сюда потащил...

Не прошло и минуты, как с левой стороны дороги выскочил заяц и чуть не угодил под машину... Игорь от неожиданности дёрнул руль влево... нас крутануло, и со всего маха долбануло о левую же обочину, мы срезали невысокий сугроб, машину окатило снежной волной...

Когда остановились, всё лобовое и боковые стёкла были в снегу. Из-за этой карусели я не мог сориентироваться, как мы стоим на дороге.

Игорь выругался, в сердцах ударил по рулю и, открыв дверь, выскочил... Меня обдало жаром... «Значит, моя прижата... вдруг там волк...». Толкнул дверь. Она открылась. Я вылетел, держа в руке ружьё. «Дэу» стояла поперёк дороги, «мордой» уткнувшись в бортик из снега, высотой примерно в пятьдесят-шестьдесят сантиметров. Вся машина, была укрыта белым пушистым одеялом. Игорь, присел у левого колеса и рассматривал бампер, громко ругаясь при этом.

Стоя у правого колеса, я огляделся... Мне показалось, что в сторону Игоря, через снежный бруствер, что-то мелькнуло... Тихий вскрик. Затем рык... Я рванул вокруг машины. Поскользнувшись, упал. Тут же вскочил на ноги. Затяжное рычание... Звук рвущихся тканей. Крик... и тотчас оборвался...

На снегу, красном от крови, лежал Игорь... Вывернутые наружу внутренности, грудь разорвана, так же как и шея. Через всё лицо, четыре глубокие борозды. Всё это в крови. Кровь была повсюду. Даже весь бок машины стал багрового цвета...

А самое главное, что над телом сидел огромный зверь, его чёрная густая шерсть, была в заснеженных сосульках. Большая голова с заострёнными ушами, смотрела на меня полными ненависти круглыми жёлтыми глазами. Огромная пасть приоткрыта. Четыре длинных клыка не прямые, а направленные слегка в стороны. Оскал, а точнее вся морда, были в крови. С неё падали капли на уже безжизненное тело моего одноклассника.

Волк или оборотень, не знаю, что это такое, не двигался... как и я. От страха у меня зашевелились волосы. Но из оцепенения я вышел также мгновенно, как и вошёл.

Волк взревел и прыгнул... Грохот... Я даже не понял, как смог отреагировать, но от выстрела его перебросило через снежный бордюр, в двух метрах от которого начинался лес поросший кустарником.

Зверь вскочил и бросился вглубь, я выстрелил вдогон, но шум от ломающегося кустарника продолжался удаляться от дороги. Перезарядив ружьё, ещё минуту постоял прислушиваясь, и только тогда повернулся к распростёртому, истерзанному телу... Всё происходило не по-настоящему. Этого просто не могло быть. Я стоял над мёртвым телом и даже не знал, что мне теперь делать...

«Нет. Это кошмарный сон. Сейчас закрою глаза, и проснусь дома...»

Но ничего не изменилось. От бессилия, я опустил на снег. Не знаю, сколько так просидел. Потом, какими-то усилиями, заставил себя подняться.

Достав из багажника покрывало, которое всегда там валялось, завернул тело и с большими усилиями втащил его на заднее сидение. Сев за руль, попытался завести машину. Она немного покапризничала, но всё же завелась.

Не помню, как доехал до деревни. Всю дорогу думал, как скажу тётке Вере, матери Игоря, что её сын мёртв.

Тётя Лена стояла у калитки своего дома, как будто зная, что приедут гости. Она сначала меня не узнала, наверно сильно изменился с тех пор как был здесь в последний раз. Из дома вышел дядя Витя. Когда я представился, тётя Лена меня обняла и заплакала.

– Серёжа, пойдём, пойдём в дом.

– Я к вам не в гости приехал, – отрезал я. – Мне нужно в больницу.

– Что случилось?.. – испугалась тётка.

– На моего друга волк напал.

И только сейчас они заметили, что весь бок «Дэу» в крови. Побледнев, они оба молча стояли не двигаясь. Вышел их сосед. Я правда не помню его имени, но точно знаю, что он охотник.

– Откуда кровь? – показал пальцем седой мужчина лет пятидесяти.

– Мне нужно в больницу, – повторил я, обращаясь уже к соседу.

– Не уж-то опять волк? – прищурился Иван.

– Вань, отведи Сергея в сельсовет, – попросил дядя Витя, обнимая побледневшую тётку.

Мы сели в машину. Дядя Иван глянул на заднее сидение. Его передёрнуло, из-под покрывала торчала окровавленная рука.

– Почему в сельсовет? – спросил я по дороге.

– У нас вчера волк задрал одного мужика. А сегодня из Новосибирска какие-то приехали. И теперь они там, в сельсовете, тело изучают. Мясники, иху мать!

Их было пять человек, тех, кто приехал из Новосиба. Они помогли внести Игоря в здание. Двое из них остались с телом, а трое поехали с нами. Дядя Иван дал мне унты, фуфайку и лыжи.

С собой мы взяли ещё деревенских охотников, в итоге нас набралось двенадцать человек. Быстро погрузившись в машины, сразу отправились на место нападения. У спецов из города, так я их прозвал, было хорошее оружие, у двоих модернизированные «Тигры», а у одного «Лось». У мужиков из деревни также оказалось нарезные карабины. Только у меня одного было гладкоствольное. Охотники взяли с собой трёх собак: двух лаек и одного русского спаниеля, я попросил, чтобы сразу собак не выпускали, нам надо было самим осмотреть место.

Кровавое пятно на дороге хорошо виднелось издалека. Мы остановились, вышли. Начали осматривать дорогу, я заметил одну странность: вокруг места, где лежал Игорь, были мои следы, но все затоптаны... волчьими, тут же добавились капли крови, они были поверх снега, которым я присыпал пятно. Специалисты сразу начали фотографировать место с нескольких сторон, взяли образцы крови.

След из кустарника, куда убежал зверь, был двойной. Оставив трёх человек и одну собаку у машин, мы отправились через кустарник. Походило на то, что хищник убегал, уклоняясь от пуль, но через километр он остановился, и назад вернулся по прямой. Мужики придержали собак, а мы осмотрели место остановки волка и поворота его обратно.

– Серёж, – позвал меня дядя Иван. – Вишь, как он стоял? Наверное, услышал, как ты отъезжаешь. Я думаю, что он вернулся и запомнил твой запах, чтобы знать кто его ранил... Не похож он на обычного зверя, – и уже уверенно добавил. – Не волк это...

Мне стало жутковато.

Когда мы вернулись обратно к дороге, ожидающие нас мужики рассказали, что проследили, откуда он пришёл, и куда отправился потом.

– Похоже, что волк двигался по дороге, а километра за два до этого места свернул влево и бежал вдоль трассы в кустарнике. Ему попался заяц, и он его спугнул. Тот выскочил на дорогу и напугал вас. А другой след, когда волк вернулся на место нападения, уходит в ту сторону, откуда он и пришёл. Отпечатков его лап на дороге не видно. Сильно укатана. Но зато пятна крови шли примерно метров сто, а затем просто обрываются и ничего... Никаких других следов, ни крови... Да и собака после кровавой цепочки начала метаться из стороны в сторону. Не могла след взять. Странно всё это... Когда мы ехали обратно в деревню, я стал прокручивать случившееся. Как я выбегаю из-за машины... А волк, волк даже не испугался. Он медленно поднял свою окровавленную морду, оскалится и уставился на меня... Много я видел фотографий волков, да и по телевизору сколько их показывали, но такого взгляда не помню... В нём было столько первобытной ненависти и злобы, меня аж передёрнуло.

– Ты чего? – спросил дядя Иван.

– Да, вспомнил, как он на меня смотрел.

– А ты мог бы его описать? – заинтересованно, спросил один из спецов.

– Не знаю...

– А ты попробуй.

– ...Когда я выбежал из-за машины, он рвал Игоря... Он такой огромный, чёрный... И взгляд у него... Как выстрелить-то успел, даже не знаю... Нет. Всё это нереально... (пауза). Только Игорь мёртв по-настоящему...

По дороге в деревню мы больше не разговаривали. Когда приехали, спецы взяли мои данные, а данные Игоря они нашли в его документах. Позже прибыли репортёры из Новосибирска, и я понял, покоя мне от них не будет. Как мне не хотелось опять всё вспоминать!

Пока мы были в лесу, спецы вызвали мать Игоря. Как же я боялся этой встречи... Тётя Вера, как и любая мать, будет винить в смерти сына – меня. И это правильно. Ведь я его сюда потащил.

Тела увезли в морг. Успокоившись, я позвонил на работу и домой, предупредил, что немного задержусь.

К вечеру следующего дня приехала мать Игоря. Всегда улыбающаяся женщина выглядела старухой. Она подошла ко мне. Посмотрела красными, воспалёнными от слёз глазами, положила полностью поседевшую голову мне на грудь и заплакала. Я обнял её. Когда она проплакалась, сказала:

– Я уже заказала машину. Завтра утром уедем.

Я согласился. Самому уже охота было свалить побыстрей. Репортёры за этот день меня так вымотали, что вечером уже ничего не соображал.

Утром мы отправились в морг. Я не мог себе представить, как отреагирует мать, ведь лицо Игоря было изуродовано. Но я был поражён, когда увидел тело... За один день специалисты загримировали его так, что он был похож на живого. Увидев его, тётя Вера потеряла сознание. Она пришла в себя, только когда Игоря погрузили в машину. Нам дали побольше успокоительного, и мы отправились в путь. Тётя Вера ехала со мной на «Дэу», а катафалк за нами. Она попросила меня показать ей место нападения. Конечно, я пытался отговорить её, хотя понимал, что это бесполезно. Упрямая женщина. Когда мы остановились, я сразу взял ружьё, за мной следом вышли мама Игоря и водитель катафалка. Кровь на дороге ещё хорошо было видно, хоть я и пытался соскоблить её, и засыпать снегом, всё равно бесполезно. Тётя Вера присела возле пятна, дотронулась до него рукой и опять заплакала.

В кустах что-то хрустнуло. Я тут же направил в ту сторону ружьё. Водитель и мать Игоря замерли...

И тут же где-то в лесу раздался страшный вой. Водитель пулей влетел в свою машину и, обогнав нас, помчался вперед. Мы тоже быстро сели и поехали. Дорога плавно изгибалась вправо, как будто поворачивала туда, где выл волк. Постоянно поглядывая на правую стену леса, я заметил движение между кустов. Тут же затормозив, схватил ружьё и выскочил. Через кусты было видно какое-то тёмное пятно.

– Эй ты, пес драный, вылезай!

В ответ, тот громко прорычал. И это рычание походило на протяжное «ты...». Я тут же выстрелил в ту сторону два раза, быстро перезарядил и опять прицелился. Тишина. Ни малейшего звука. И только, где-то вдалеке, поднявшись от выстрелов в небо, были слышны десятки возмущённых, вороньих голосов.

Тётя Вера взмолилась:

– Поехали, поехали скорей отсюда!

Когда я сел в машину и тронулся, она посмотрела на меня и сказала:

– Когда он зарычал, это было похоже на слово «ты»...

У меня внутри все похолодело. Значит, я не ослышался, но ей сказал:

– Вам показалось, выпейте успокоительное и поспите, к вечеру мы уже будем дома.

Наступила тишина. Приблизительно через час мы нагнали катафалк, конечно, мы бы его не догнали, не там машина. Наверное, он просто успокоился и сбросил скорость. Теперь опять наша «Дэу» ехала впереди.

Когда мы добрались до дома, я позвонил друзьям, они помогли занести гроб в квартиру. Потом все вышли на улицу, а я немного задержался.

– Тётя Вера, мне очень жаль, что так случилось.

И тут она сорвалась:

– Почему он напал на него, а не на тебя, почему?! Почему, скажи мне?! Почему ты его не убил, ты что испугался?! – она села, закрыла лицо руками и зарыдала.

Немного постояв, я положил ключи от машины на зеркало в коридоре. И ничего не говоря, открыл дверь, чтобы уйти.

– Серёжа! Прости меня... Я не хотела. Прости... Сорвалась, – посмотрела она заплаканными глазами, всхлипывая.

– Я не сержусь на вас... я действительно ничем не мог ему помочь... До свидания, – выйдя на площадку, я хотел закрыть за собой дверь, но мать Игоря меня окликнула:

– Постой.

Она протянула мне ключи от машины.

– Возьми, это тебе на память об Игоре.

– Нет. Я не могу.

– Я настаиваю. Всё. До завтра, – и она захлопнула дверь.

Поздно вечером этого же дня в новостях показали интервью со мной, верней они пытались взять интервью, но я отказался. Смазливая журналистка задавала мне один и тот же вопрос: «Куда вы ему попали? Куда вы ему попали?..» Не знаю, какое у меня было выражение лица, но, когда я на неё глянул, она сразу отстала. Дома тоже пристали с расспросами. Теперь мне пришлось несколько раз повторять:

– Пожалуйста, не сейчас. Не сегодня...

И только после этой моей просьбы, родные оставили меня в покое.

Ночью снился кошмар. Я стою в лесу. Тёплая летняя ночь. На небе полная луна. Вдруг, вдалеке послышался вой. Затем он повторился, но уже совсем рядом. Передо мной раздвигаются кусты. На поляну в лунный свет выходит... оборотень, ростом с человека. Широкая вздымающаяся с рокотом грудь, мощные руки-лапы, ноги не пропорционально короткие, их

форма как у собаки. Огромная морда с оскалом. А жёлтые глазки так и впиваются в меня. И тут он говорит с надрывом:

– Ты меня ранил. Не прошу...

Следом я просыпаюсь, весь в поту...

Похороны прошли. Я вышел на работу. И там тоже все доставали с расспросами, но рассказал я только друзьям Серёге и Андрею.

Через неделю, после того как вернулся домой, ко мне на работу приехал один человек, он представился как Смагин Владимир Анатольевич – зоолог.

В удостоверении, которое он мне протянул, стояла печать «лаборатории имени Дарвина».

Смагин объяснил, что приехал по поводу нападений. Он уже «пообщался» с моим начальником, и тот дал мне отпуск с сохранением заработной платы.

Потом в кафе Владимир Анатольевич мне объяснил, что им нужно точное описание волка.

– Я вряд ли вспомню, это было так быстро.

– Сергей, постарайся, это очень важно, похоже, что у нас появился новый вид волка.

– Тогда скажите мне честно, что нашли в крови волка? Специалисты из Новосиба, сказали, что кровь пошлют в Москву. Так что там, в крови-то?

Смагин задумался. А затем, шурясь, глянул мне в глаза и сказал:

– Ты парень серьёзный я вижу. Надеюсь, ты языком попросту не болтаешь, и даже если скажешь, тебе не поверят. В общем, в его крови ещё есть примесь человеческой. Она похожа на кровь давно исчезнувшего вида волков, их называли Норды, северные волки, и те были в три раза больше обычных волков.

После его объяснения, я подробно рассказал о нападении. О том, что волк вернулся к моим следам. И как мы ехали обратно, что мне показалось слово «ТЫ», когда он прорычал.

– Слушай, почти всё сходится с легендой о Нордах, вот только одна деталь... – он задумался. – Если бы не она, можно было бы на сто процентов сказать, что действительно существовали люди-волки.

– Что за деталь? – нахмурил брови я.

– В легендах говорилось, что были такие племена Норды, которые могли быть то волком, то человеком. И не было у них соперников, люди для них были как пища, как дичь. Они истребляли их целыми поселениями. Никто не знал, откуда они пришли, и никто не знает, куда они пропали и почему.

– А деталь-то какая?

– Для них мог быть врагом, только такой же волк. Они запоминали его запах и при удобном случае пытались сразиться с соперником. Теперь ты понимаешь, почему не сходится легенда?

– Да, я не волк, а он вернулся за моим запахом... А может, потому что мне удалось ранить его, он и решил, что мы равные?

– Не знаю... Возможно, если это действительно Норд, то просто за века тот переродился. Он же начал нападать на скот, а только потом на людей.

– Может быть. Володя... Я могу тебя так называть?

– Да, конечно.

– Меня интересует ещё один вопрос. Как вы по крови узнали, что это Норд?

– Это долго объяснять, про все ДНК, и тому подобное.

Я не стал настаивать на этом, и спросил про другое:

– А там не написано случайно, как его убивать?

– Говорилось, что стрелы с серебряными наконечниками для них были смертельны. Ещё им отрубали голову и на всякий случай закапывали по отдельности.

- Может у всех оборотней аллергия на серебро?
- Всё возможно, но нам ещё долго придётся изучать это.
- Не хочешь ли ты сказать, что вы его решили поймать?
- Да, нет, конечно...

Но его словам я, естественно, не поверил.

- Слушай, Володя, что ты сказал начальнику, что он так быстро меня отпустил?

– Бумагу ему из Москвы привёз. Что, в связи с чрезвычайной ситуацией, тебя мы берём в помощники. Ах да, – поднял он указательный палец правой руки вверх, – самое главное. Тебе за то, что ты в него попал и дал нам маленькую ниточку к разгадке, правительство выписало поощрение в размере десяти тысяч рублей. На, получи и распишись.

Он достал из пиджака новенькие купюры, ведомость и пододвинул их ко мне.

– Бери-бери. Не так уж легко они тебе достались. Ведь ты рисковал. Волк мог оказаться быстрее. Бери.

Помедлив, я всё же расписался. Взял деньги, и мне стало не по себе. Ведь если бы я не потащил Игоря в те края, он бы остался жив... а я за его смерть получаю деньги... Не приятный осадок в душе осел тяжким грузом.

- Какая вам от меня помощь?

– Понимаешь, я приехал не один, со мной ещё двадцать человек. Мы...

– Ах, вот почему мне дали деньги... – скрипнув зубами, перебил его я. – На живца, значит, решили, да?.. Приманка я, да?.. Интересно, а сколько про запас у тебя денег, Владимир Анатольевич. Вдруг я не соглашусь быть наживкой?..

Володя молчал.

Я продолжил:

- Ну что, будем торговаться, сколько стоит моя жизнь?

Володя достал из кармана пиджака пластиковую карту и положил передо мной на стол.

– Здесь десять тысяч долларов США на валютном счёте в вашем банке. Можешь сейчас заехать и проверить.

Передо мной сидел мужчина лет сорока, крепкого, спортивного телосложения. Чёрные с проседью волосы и усы, аккуратная короткая стрижка. Лицом он слегка походил на жителя Горной Шории, но не такой круглолицый как они. И на этом, наверное, всегда каменном лице, была написана неловкость. Как раз это Смагину Владимиру Анатольевичу никак не подходило. И я согласился.

Мы договорились встретиться завтра утром. Смагин сказал, что машину можно не брать.

После разговора я поехал домой. Собрал вещи, взял ружьё, патроны, нож. Родителям и Ольге, это моя девушка, сказал, что меня отправляют в командировку.

Мама поверила, это хорошо, так мне было спокойней, а потом наедине я рассказал отцу, что мы едем охотиться на волка. На всякий случай показал ему карту и положил её в сейф.

Отец у меня не многословный. Он сказал просто:

- Будь осторожней.

Друзей предупредил, что еду якобы в командировку.

Теперь осталось только дожидаться утра. Как же я не люблю ждать, а время было всего семь вечера. И тут мне на глаза попался календарь на стене...

Сегодня двадцатое января, через четыре дня у меня день рожденья, и мне уже будет двадцать девять. Сколько раз мама у меня спрашивала:

- Когда же мы дождёмся от тебя внуков?

А я всегда отвечал:

- Мам, мне рано, молодой ещё...

Да, теперь, наверное, никогда, путешествие уж очень весёлое получается. Ладно, поживём, увидим. А вообще, я собираюсь прожить лет сто. Мы ведь едем не на бойню...

Вьюга. Почти стемнело. Пробираюсь через деревья и кустарник. На снегу чьи-то следы. Они уходят влево за куст. Там слышна возня. Ружья нет. Я достал нож. Приготовился. Чем ближе подходил, тем сильнее истоптан снег... И вот... Человек лежал ничком. Над ним... так же как над Игорем, сидит волк. Он медленно, как и в тот день, поднимает голову. С пасти стекает кровь на уже бездыханное тело. Глядя на меня, он прорычал:

– Наконец-то... – и дёрнулся в мою сторону...

Я проснулся. Вся постель перевернута, подушка на полу. Встал, посмотрел на часы, было пять утра, они заедут в шесть. Пошёл, умылся, поел. Ровно в шесть постучали (я предупредил, что у нас не звонят). На пороге стоял Володя в камуфляже. Такой расцветки защитной одежды я ещё не видел. После рукопожатия, Владимир сказал оружие оставить дома, они дадут мне своё.

На улице нас ждали четыре микроавтобуса «Форд», и один джип «Хаммер», вся техника была белого цвета. Володя сказал, что мы едем в «Хаммере», я забросил в багажник свои вещи и сел на заднее сидение вместе с ним.

Он представил сидящих в машине. За рулём был тоже Сергей, на вид лет двадцати пяти, среднего телосложения, вытянутое лицо, как у меня, а волосы белые-белые. В машине не мог разглядеть то ли седые, то ли такие и есть. Рядом с Сергеем сидел Николай, они с Владимиром Анатольевичем были чем-то похожи. Только у Ника, так я его прозвал, лицо было круглое, и выглядел он лет на тридцать пять.

На дороге, по которой мы сейчас ехали, было много неровностей, меня стало клонить в сон. Молчание людей, что сидели рядом, давило. Мне эта тишина надоела, и я начал рассказывать анекдоты:

...Летит самолёт.

Один пассажир причитает:

– Ой, мне плохо-о! Ой, щас стошнит!

Сосед по креслу:

– А вы вот эту кнопку нажмите!

Мужик:

– Нажал. Ну и что?

Сосед:

– Ну вот. Теперь у стюардессы зажглась лампочка.

Мужик:

– Твою мать! Мне плохо! Я щас блевану! А она сама себе свет включить не может?!

Сначала немного реагировал Серёга, потом стали хохотать все. В общем, дорога пошла веселей.

Володя спросил про дверь, кто её разрисовал. (У меня на входной двери в квартиру изображено полнолуние и всадник летящий на драконе).

– Слушай, у тебя там полнолуние, может ты и впрямь волк, не зря же он запоминал твой запах?..

– Кто знает, Володя, кто знает...

Серёга с Николаем переглянулись, а я рассмеялся. Да, наверное, они не все шутки понимают. Дальше мы ехали молча, и я не заметил, как уснул.

Все бегут. Крики. Кругом паника. Меня сшибли с ног. Кто-то протянул руку. Не посмотрев на неё, я взялся чтобы встать... На ощупь она была грубая, чересчур волосатая и огромная. Поднимая глаза, понял, что увижу... Мне в лицо ударил смрад гниющего мяса. Всё те же жёлтые глаза буравили меня. И снова рычание:

– Да...

Я подскочил, ударился головой о потолок машины и снова сел. Все трое моих попутчиков посмотрели на меня, и только Володя спросил:

- Кошмары?..
- Да... – ответил я, вытирая пот с лица.

После Новосибирска я показывал дорогу, как добраться до деревни. Приехали к вечеру. Не успели подойти к дому, к нам сразу вышел дядя Ваня.

Володя заговорил первым:

- Как вас звать?
- Иван.
- А по батюшке?
- Степаныч ...
- Иван Степанович, в тех местах, есть избушка?

– Зовите просто, Степаныч, так привычнее. А заимка там есть. Километров десять от трассы. Да и дорожка туда для машины. Правда, давно никто не ездил. Но ваши–то, – он кивнул, – я смотрю хорошие, думаю, пройдут.

– А где поворот к ней с трассы? – спросил я.

– Это семнадцать километров от деревни, затем свороток вправо, дальше, она приведёт к самой заимке.

- Спасибо, дядя Ваня, – сказал я.
- Удачи вам.
- Нет, удача нам не нужна, ты лучше ни пуха пожелай, – поправил его я.
- Ни пуха, ни пера.
- К чёрту!

Пожав ему руку, я сел в машину, и мы тут же тронулись в путь. Поворот к зимовью нашли легко. Сначала дорога по лесу была нормальной, наш джип шёл без затруднений. Километров через семь появилось первое препятствие. Огромное дерево, лопнуло между двух больших сучьев, почти пополам. И вот одна его половина перегородила нам дорогу. Мы вышли.

Пока с погодой нам везло. Не было ни ветра, ни снега. Мороз пощипывал лицо. В такую погоду можно и деревья поворачать. И только сейчас я увидел всю нашу команду целиком. Практически все как на подбор. Высокие, спортивного телосложения, жёсткие черты лица. И все в одинаковом камуфляже, как у Володи. Мне это напомнило армию – «инкубатор».

Быстро, профессионально, рассредоточились. Десять человек с оружием прикрывали, а мы двенадцать навалились на валежину, та пошевелилась, но не пошла. Пришлось звать ещё четверых, она поддалась... но с усилием. Я среди них, казался ребёнком, хотя в команде были и помоложе меня. Все посмотрели на меня, но без каких-либо эмоций. Потом они кивали, видимо в знак приветствия, и отворачивались. Да уж, не очень дружелюбно были все настроены. А вообще–то, плевать на них. Я поехал, чтобы завалить зверюгу и отомстить за Игоря.

После того, как освободили себе дорогу, быстро сели по машинам, но ненадолго... Метров через триста–четырееста левое переднее колесо нашего джипа провалилось в яму. Вытаскивали мы опять вручную. Всё происходило так же как с валежиной, нас прикрывали, мы толкали. С этим делом справились быстро.

Чего я больше всего не хотел, это чтобы испортилась погода. Но природа ехидно улыбнулась, и подул ветер. К ветру прибавился снег. Только температура осталась неизменной. Градусник за бортом показывал минус восемнадцать.

Впереди виднелся мост, но уж очень старый, как мне показалось. Мы остановились, вышли поглядеть насколько он крепкий. Володя прошёл по мосту туда и обратно, попрыгал на середине, тот не пошевелился. Овраг, в ширину метров десять, оказался достаточно глубоким.

В свете фонаря казалось метров семь. Тянулся он в стороны видимо далеко, луч не доставал, хотя фонари были очень мощные.

Решили переезжать по одной машине. Группа перешла пешком. Уже под третьей машиной мост закрипел, снизу что-то отвалилось... все замерли. Водитель правильно сделал, что не остановился. На таком мосту нельзя было долго задерживаться, рухнет. Под четвёртой машиной начали сыпаться щепки.

А когда поехал последний автобус, балки моста стали потихоньку оседать, заднее, правое колесо провалилось... бойцы, так я их прозвал, быстро вытащили из четвёртой машины лебёдку. Один из них взял крюк и прыгнул. Заехав на спине под последний автобус, зацепил им мост машины. Как только он выкатился из-под колёс, «Форд» дёрнул, и последняя машина вылезла. Но только она выехала на землю, как тут же мост рухнул.

– Как мы назад-то поедём? – любопытствовал я, глядя на дно оврага, где теперь покоилась наша переправа.

– Есть у нас кое-что на такой случай, – ответил на вопрос Володя.

– У вас на все случаи жизни, есть что-нибудь?

– Обязательно. Работа такая.

Мы сели по машинам.

Тихо, как ночной десант, темнота накрыла лес.

Ехали не долго. В свете фар наконец-то появилась избушка. Размера она была не большого для такой честной компании, четыре на шесть, рядом с которой ещё находилась пристройка. Пока мы перетаскивали вещи, нас по-прежнему прикрывали десять бойцов. В свои автобусы меня не пускали, но я и не жаловался. Растопил печь. Спустя некоторое время зимовье нагрелось, даже стало жарко.

«А они пусть на улице мёрзнут», – улыбнувшись, подумал я.

Избушка охотника, как и должно быть, оказалась простой. Большая комната, посередине кирпичная печь. Справа у окна стоял стол с лавками. У другого окна, что напротив двери, лежак. А ещё два лежака занимали левую стену. На чердак вела лестница, она находилась справа от входа.

На несущем столбе, что стоял почти посередине, была вешалка. Я повесил патронташ и ружьё, которое мне дали, но разряжать не стал.

Бойцы всё носили и носили какие-то коробки, и как оказалось это наш провиант. Они прибавляли полки по всем стенам, что-то на них раскладывали, даже на чердак чего-то натащили.

К десяти часам вечера избушка стала похожа на мини лабораторию. Везде были разные приборы: датчики слежения, звукоулавливатели (которые, кстати, нам не понадобились, так как волк приходил в плохую погоду), и ещё куча всяких, мне незнакомых вещей.

Я заварил себе чаю в чайнике, что нашёлся здесь, в зимовье. А москвичи не хотели расставаться с цивилизацией, раз уж они провели в избушку электричество, достали электрические чайники, плитки, накалили воды и приступили к приготовлению ужина.

Готовили двое, и того и другого звали Константин. Первый Костя, что ниже своего напарника-повара, был через-чур широкоплеч. Его руки напоминали стволы деревьев. Ладони с короткими, толстыми пальцами, походили на ковш экскаватора. Но... оказалось, что этот «гном», достаточно ловок. Несмотря, что на первый взгляд, он выглядит неуклюжим.

Второй, был более стройный, не такой гигант, как первый. Его чёрные глаза, цепко хватались за каждую мелочь, не пропуская мимо ничего. Когда мы встретились взглядами, я попытался сдержать его, но это бесполезно.

Пока они кашеварили, другие расставили раскладные столики у лежаков.

Около одиннадцати вечера все сели за столы. Каждому налили по сто грамм водки. Все выпили, кроме меня. Володя повернулся ко мне и спросил:

– Почему не пьёшь?

– Я вообще не пью.

– Как, совсем?.. – удивился он.

– Ага, совсем.

Тут Володя вспомнил анекдот, что я рассказывал по дороге, и сказал:

– Альфе больше не наливать!

Все рассмеялись.

«Может, он успел им рассказать, пока носили вещи?» – подумал я.

Не знаю, сколько водки было выпито, но наливали они часто. В общем, ужин получился весёлым. Видно алкоголь сделал своё дело. Разговаривали кто о чём. Мы сошлись в интересах с Серёгой, нашим водителем. Он служил в ВДВ, а я занимался парашютным спортом, так для удовольствия, и само собой на этой теме друг друга поймали. Мы так долго с ним разговаривали, что не заметили, как все начали расходиться по местам, где будут спать. Некоторые пошли по автобусам, кто-то остался в зимовье, как, впрочем, и я. Мне дали матрац и одеяло. Я подбросил дров в печь и начал укладываться. На дежурстве осталось двое, они практически не пили.

Ночь накрыла нас своей вьюжной шапкой. Ветер, как огромный, замёрзший пёс, которого злой хозяин не пускает в дом, всё выл и выл под дверью, и под эти завывания я заснул.

Кровь, кровь, кровь... Крики ужаса. Перед глазами всё плывёт. Жгущая боль в груди. Она разливается по всему телу. Руки и ноги жжёт так, как будто внутри тебя пожар, он расходится по всему телу. А кости... будто их зажали в тиски с разных сторон, и растягивают.

Голова... Такое ощущение, что внутри, что-то взорвалось. Только взрывная волна раскатывается по всему черепу в замедленном темпе, постепенно распространяя боль... Кричу. Но это не крик, а рёв...

– Сергей, Сергей, – были слышны сквозь сон чьи-то голоса.

Я подпрыгнул с матраца...

Как мне потом рассказал Серёга, я стоял в полуприседе, ссутулившись, пальцы на руках растопырены и согнуты, такое ощущение, что я собирался на кого-то напасть. На лице ярость, из-под сдвинутых бровей бешенный, нечеловеческий взгляд, и оскаленный рот, из которого стекала слюна.

– Серёжа, успокойся, это мы, мы все свои, а это я Володя.

Я очнулся... Ничего не понимаю. Все стоят с направленным на меня оружием.

– Вы чего, ребята, нельзя направлять оружие на человека, – сказал я спокойно, – что-то случилось?

– Тебе что, опять кошмар снился? – тихо спросил Владимир.

Я пожал плечами.

– Не помню, – и вытер пот с лица.

– Всё, ребята, расслабьтесь. Всё в порядке.

Бойцы нехотя опустили ружья.

Проснулись рано. Повара, готовили завтрак, остальные возились со своей аппаратурой.

Сегодня двадцать второе января. Вчерашняя вьюга стихла. Я сидел, дожидаясь завтрака, и рассматривал ружьё, которое мне дал Володя. Это был пятизарядный карабин, непонятной модели. По крайней мере, мне такие не попадались. Ни в журналах, ни по телевизору таких не видел. Напоминал он, карабин «Вепрь 308 супер», только ствол значительно длиннее. Володя объяснил, что это их разработка, улучшенные технические данные, мощнее патрон, точность стрельбы, оптический прицел с переключением на ночное виденье.

Нарезное ружьё – хорошо. Но всё же я скучал по своей гладкоствольной «тридцать четвёрке». Да и предчувствие у меня было, какое-то странное... зря не взял её с собой...

Когда сели за столы, едва забрезжил рассвет. Завтракали молча. Только с Серёгой мы перекинулись парой слов. Утро полностью вступило в свои права.

Володя скомандовал сбор.

Быстро собрались, проверили оружие, и отправились на поиски хищника. Избушку остались сторожить двое.

За ночь замело все следы, даже те, что натоптали вокруг дома.

Мы проходили по лесу часа три, но ни одного следа даже заячьего не нашли. В избушке, приборы тоже ни разу не показали, о близком нахождении кого-либо.

Так несколько раз за день мы делали обход, но безуспешно. День сменился ночью, в которой опять меня ждали кошмары, но какие я не помню.

Двадцать третье число прошло так же, как и двадцать второе.

Бойцы, начали терять бдительность, и стали выходить на улицу по одному, некоторые без оружия. Я их постоянно предупреждал, но от меня отмахиваясь, говорили:

– Брось ты, отойлю и назад.

Не нравилось мне это. Уж очень они самоуверенные, а это плохо, ведь мы находимся на *его* территории.

В этот день лёг поздно. Когда голова коснулась подушке, я тут же провалился в сон.

... Вокруг туман, белый, как молоко. Сырость в осеннем лесу ощущалась как-то особенно, как будто ты весь пропитываешься влагой. Холод пробирается внутрь тебя тысячами микроскопических жучков и расползается по всему телу. И тут вдалеке ты слышишь вой. Затем крики. И тебя начинает трясти, но уже не от холода, а от страха... Вой приближается. По мокрым опавшим веткам и листьям, чуть слышны мягкие шаги. Ты уже слышишь тяжёлое дыхание зверя и...

– Эй, именинник, вставай. Бабы снятся, наверно? – смеясь, толкает меня в плечо Серёга.

– А... – я тут же подскочил с ружьём в руках (перед сном которое я всегда клал возле себя) не понимая, что происходит. Все опять стояли, глядя на меня, но уже с улыбкой.

– Что-то случилось? – обеспокоено спросил я.

– Серёга, – веселился наш водитель, – тебе стукнуло двадцать девять! Поздравляю!

Сергей пожал мне руку. Ко мне в ладонь, вместе с его рукой, лёг патрон к моему новому ружью. Не отпуская рукопожатия, он наклонился к уху и шепнул:

– Это в самом крайнем случае...

Я незаметно сунул подарок в карман. Потом все по очереди пожали мне руку, некоторые специально хотели сильно сдавить её. Я сдюжил.

Последним подошёл Володя. Протянул мне плоскую коробку из тёмного дерева, с резьбой на крышке.

– Сергей, с днём рождения! Желаю, чтобы сбылись все твои мечты. А это от нашей команды. Открой.

Я открыл. В ней лежал отличный охотничий нож, с средней ширины лезвием сантиметров двадцать пять длиной, и рифлёной удобной рукояткой, в кожаных ножнах, отделанных металлом.

– Это булатная сталь.

– Спасибо, ребята, о таком я мог только мечтать, – искренне поблагодарил. – Честно!

Я заворожено глядел на дорогой и нужный подарок.

– А теперь за праздничный стол, – скомандовал Володя, раскинув руки.

Завтрак получился весёлый и долгий, все меня поздравляли, пили за моё здоровье. К обеду он постепенно закончился.

Я, незаметно для окружающих, достал патрон, что мне подарил Сергей. Покрутил в руке. Если я не ошибаюсь, то пуля была с серебряным наконечником.

«Ты тоже, Серёга, считаешь, что это оборотень?» – с улыбкой подумал я, и убрал его обратно в карман.

Володя встал, и нехотя протянул:

– Ну что, надо бы прогуляться.

Не спеша, начали собираться. Не знаю зачем, но у каждого я заметил ещё и по пистолету. Странно.

«На что вы сейчас годны, спецы? Какая у вас теперь реакция?» – трезво подумал я.

Как обычно двоих оставили охранять наше становище.

Завтрак был настолько плотным, что если бы не лыжи, я бы и с места не сдвинулся.

Двигались лыжня в лыжню, то поднимаясь на небольшие холмики, то спускаясь, либо объезжая их. Мы шли уже часа три. На пути опять вырос бугорок. Впередиидущий, не помню, как его зовут, решил не объезжать...

Я был третьим в колонне, из-за чего не сразу заметил, что от холмика, через маленькое отверстие, тоненькой струйкой поднимается пар...

«Берлога!» – ударила мысль, и я тут же заорал.

– Назад!!!

Но было поздно... Берлога тут же провалилась. Взревел медведь. Боец вскрикнул. Вся группа, выскакивая из лыж, мгновенно оцепила логово. Побросав ружья, которые повисли на плечевых ремнях, они достали... пистолеты. Меня это очень удивило, ружья-то эффективней! Нет, они не охотники, им с террористами воевать, а не со зверем сражаться. Тот, кто упал в берлогу, кричал всего несколько секунд, а как только затих, раздались выстрелы. Мне не хватило места в кольце вокруг логова, поэтому я наблюдал всё происходящее со стороны.

Как только перестали стрелять, сразу начали разбирать берлогу. Быстро срубив своим новым ножом длинную палку, я полез в толпу, сгрудившуюся у логова. Когда пробился сквозь них, то увидел, что один из бойцов пытается перевернуть медведя. В момент, когда я выкрикнул:

– Постой... – медведь последний раз полоснул когтями по горлу нависшего над ним человека, тут же последовали три выстрела в голову медведя, и он обмяк уже навсегда. Тот, кому зверь нанёс свой последний смертельный удар, был Костя, один из поваров. Он лежал на спине, во все стороны хлестала кровь, изо рта она выходила сгустками. Возле него суежились трое, пытаюсь оказать помощь.

Как всё глупо. Я стоял на краю не глубокой берлоги, справа лежит Костя. Уже не шевелится, только правая нога подёргивается, но он уже мёртв. Посредине ещё один из группы, он весь разорван. Грудь... как будто взорвалась. На лице, ужас и боль. А слева лежит огромный медведь, как в кино «На грани». Весь его мех в крови, как и вся берлога. От этой кровавой картины мне стало плохо. Бросив палку, отбежал в сторону и навалился на дерево. Весь праздничный завтрак, вышел наружу. Я отошёл пару шагов от этого места и сел в сугроб возле другого дерева.

Подул ветер и мне стало полегче. Когда встал, тела погибших уже упаковали в мешки и закрепили на лыжах. Ко мне подошёл Володя, пасмурный как тучи, надвигающиеся сейчас с северо-запада.

– Надеюсь, ты сам идти можешь? – спросил старший группы.

Я кивнул. Он повернулся, чтобы уйти.

– Почему вы не стреляли из ружей? – бросил я ему в спину. – У нас бы не было второй жертвы.

– Сейчас не хочу говорить на эту тему, – отрезал Володя.

Я подошёл к берлогу. С медведя оказывается уже содрали шкуру. Тело зверя было схоже с человеческим. Меня передёрнуло. Я надел лыжи и побежал догонять нашу команду. Ветер был уже сильный. В лесу быстро потемнело. Колкие снежинки обжигали лицо. Идти стало трудно, снег заметал лыжню. Я натянул капюшон маскхалата, и в этот момент мне показалось, что вдалеке кто-то стрелял. Я догнал Володю и спросил:

– Ты слышал выстрел?

– Нет, – буркнул он себе под нос.

– Мне кажется, что это на нашей стоянке.

– Наверное, тебе показалось, – опять пробурчал он.

– Нет, Володя, – твёрдо сказал я. – Там стреляли. Точно!

– Ну ладно, предположим, что стреляли, – занервничал он, – что дальше?

– Стреляйте из ружей, пистолеты бесполезны! – настаивал я.

– Ладно, сами разберёмся, – отмахнулся он от меня и ускорил шаг.

Шли уже долго. Я был четвёртым в колонне, с конца. Не знаю, что толкнуло повернуть голову назад, обернулся и... меня бросило в жар...

– Стойте! – заорал я. За мной шёл один человек. – А где ещё двое? – перекрикивая ветер, надрывался я.

Боец обернулся. В руках у него мгновенно очутился карабин, он панически начал вертеть стволом в разные стороны.

Я повернул назад, в надежде найти следы тех двоих. Меня грубо схватили за плечо... Лицо Володи было страшным, в глазах кипело бешенство:

– Ты что, сдурел?! Куда собрался?!

Я в ярости отёрнул его руку и так же заорал:

– А если они ещё живы?!

– Если живы, дойдут.

Я стоял, и от бессилия не знал, что делать. Володя сказал, но уже спокойней:

– Пойдём, Сергей.

Как бы моё сознание не сопротивлялось, мы всё-таки пошли дальше. Все держали ружья наготове. Что ждало нас на стоянке, никто не знал...

Ветер выл, как собака воет, в предчувствии чьей-то смерти. Ощущение, что волк где-то рядом, и из темноты наблюдает за тобой, держало всех в постоянном напряжении.

Когда в лучах фонарей показались автобусы-фургоны, у меня часто забилося сердце. Было два варианта, почему не было включено наружное освещение. Первый – оно перегорело, второй – его не включили. Почему?..

Все рассредоточились. Вперёд продвигались осторожно. Первым следы крови обнаружил Николай. Затем я, следом ещё несколько человек, тоже нашли кровь, но уже заметённую снегом. Дверь в избушку оказалась открыта. Володя включил свет. Картина была страшной...

В доме всё перевернуто, вещи разбросаны, воняло мочой и псиной. На столе лежала... прокушенная голова одного из оставшихся здесь сторожей. Его тело валялось у печки. Кровь была повсюду, даже на стенах.

Второго обнаружили не сразу. Я наткнулся на место, где боец справлял нужду. В этот момент, видимо, на него и напал зверь. В глубоком отпечатке силуэта была огромная лужа крови. Когда хищник закончил со вторым, вернулся и забрал первого, но утащил не далеко.

Мой день рождения обернулся трагедией. Его я точно запомню на всю жизнь.

Выйдя из шока, мы начали всё убирать. Каким-то раствором смывали кровь. Возились долго, тела упаковали в специальные мешки и закрыли в одном из фургонов. Вещи в избушке заменили.

У меня из головы не выходило то, что зверь намочил именно мой матрац. Всё-таки он считает меня соперником, решил я.

Вечером, после молчаливого ужина, во время которого я практически ничего не ел, Володя сказал:

- Больше никуда ходить не будем, волк сам нас нашёл, будем ловить здесь.
- Что значит – ловить? – удивился я. – Ты же сказал, что мы едем его убивать.
- Убивать, ловить – какая разница. Просто не так выразился.

«Странное дело, – думал я. – У них погибло столько коллег или сотрудников, как там их назвать, а они ведут себя так, будто ничего не случилось, вроде так и должно быть. Не понимаю. Что-то тут не то. Ладно, потом разберёмся».

Одно радовало, что к волку они стали относиться серьёзно. На ночь Володя оставлял дежурить по четыре человека, одна четвёрка стояла до трёх ночи, вторая – её меняла. Я попал во вторую.

В половине пятого утра сработал датчик движения. На расстоянии пяти метров от дома кто-то ходил. Без лишнего шума, как мы думали, подняли всех, кто спал в доме, по радиации разбудили тех, кто ночевал в автобусах.

Приготовились. Дожидались, пока гость окажется напротив выхода. Ждали в напряжении. Под дверью завывал ветер. Порывы его были такие сильные, что казалось, избушка вздрагивает. Точка на датчике движения передвигалась очень медленно, когда она начала выходить из-за угла дома, все приготовились выскочить на улицу, но точка вдруг остановилась... Секунду помедлив, она метнулась назад.

Один из ожидающих выскочил на улицу и, побежал в ту сторону, куда двинулась точка. За ним рванул Николай, но за что-то запнулся и, упав, перегородил нам дорогу. Дмитрий, так звали нетерпеливого, забежав за угол, сразу открыл огонь. Я перепрыгнул через Николая, и рванул за дом. Не успел завернуть за угол, как Дима перестал стрелять...

В темноте нельзя было разобрать, где кто находится, я выстрелил два раза выше человеческого роста, и закричал:

- Фонарь!

Несколько человек уже водили лучами в разные стороны. Хотя фонари были мощные, снежная стена вместе с ветром не давала осветить дальше трёх-четырёх метров, в лучах метались сумасшедшие стаи снежинок, изменяя направление угодное ветру.

На снегу, уткнувшись в него лицом, в луже собственной крови лежал Дмитрий...

Все стреляли по разным направлениям, но идти в лес никто не собирался. Понятно, что волк, нас просто заманивает в свои владения беснующей тьмы.

Диму перевернули... Укус был всего один. Ему просто перекусили шею. Голова держалась только на жилах.

Несколько минут спустя мы слышали вой, от него мурашки побежали по спине. Волк был уже на приличном расстоянии, я сразу представил с какой скоростью он бежит, для обычного зверя это невозможно.

Диму упаковали в мешок и, как другие тела, убрали в автобус-морг.

День прошёл в напряжённой обстановке, из-за этих смертей все были на нервах. Потом прошли ещё три дня. Никаких происшествий не произошло. Двадцать девятого к полуночи, опять сработал датчик движения. Погода была, как и в прошлый раз, снежная и ветреная. На этот раз, волк прошёл в двадцати метрах от дома и опять пропал на несколько дней.

Второго февраля, в четыре часа утра, запищал датчик. Проснулись мгновенно.

Точка находилась слева от двери в двадцати метрах от дома, и никуда не двигалась. Справа, там, где стояли все машины, он никогда не подходил.

В доме нас было двенадцать человек. Трое спали в автобусе, так как не хватало места. Володя по радиации разбудил тех, кто в машине:

- Выходим по команде.

Распределились так: шестеро выбегают в сторону, где находится объект, шестеро оббегают дом, а трое из автобуса, прикрывают тыл.

Погода была как обычно – ветер со снегом. Зверь знал, когда приходить.

Ждать долго не стали, точка с места не двигалась.

– Пошли... – скомандовал Володя. Мы выбегали по очереди, два влево, два вправо. Тут же открылась стрельба. Создавалось впечатление, что мы на войне.

Наша группа находилась между домом и автобусами. Мне послышался крик со стороны, прикрывающих тыл бойцов. Дёрнув рядом стоящего за рукав, проорал:

– За мной! – и сам побежал в сторону крика.

Когда выскочили из-за автобуса, мы услышали сквозь ветер рычание... Я выстрелил на звук, зверь взвыл, палец второй раз вдавил спусковой крючок, карабин щёлкнул в холостую.

«Чёрт, патроны кончились!»

Макс, так звали того, кто был со мной, тоже стрелял, но видимо, волк уже ушёл. Мы подбежали к месту, где что-то произошло, а точнее к месту побоища. Макс, увидев, что волка нет, закричал:

– Давай вдогонку, далеко не уйдёт!

– Ты что, с ума сошёл?! – возмутился я. – Да он нас там порвёт, как промокашку, и имени не спросит!

– Но ты же в него попал! – не обращая внимания на трёх лежащих, кричал Макс.

– Ну и что, что попал?! – раздражённо орал я. – Я уже попадал раз! В упор! И что?.. Убежал он!

– Но у нас специальные пули, он не убежит!

– Какие специальные?! Что в них такого?! Его ничто не остановит! – в бешенстве кричал я.

– Они, они...

– Эй, – донёсся хрип от одного из лежащих.

Мы бросились к нему. Вячеслав лежал на боку. Когда присели перед ним, к нам уже подбегали с фонарями остальные. Хотя перед домом было наружное освещение, из-за непогоды оно едва дотягивалось до Славы, а двое других уже лежали в полутьме. Вячеслав попытался что-то сказать, но ему запретили.

– Тихо, Слава, тихо, оклемаешься, расскажешь.

Вячеслава, перетащили в дом. У него оказалось разодрано сзади, от макушки до лопаток четыре страшные раны от когтей.

Двое других были сильно изуродованы. Одного он укусил за лицо. У второго разорвана грудь.

Меня удивило расположение тел. Как же волку удалось так быстро расправиться с тремя профессионалами? Это мог объяснить только Вячеслав.

Раненого в избушке перебинтовали, вкололи какое-то обезболивающее, и Слава успокоился. Мне тоже дали такую же маленькую аптечку с ампулами, на которых написано просто «от боли». Сев рядом с пострадавшим, наблюдал, как все суетятся, а мне это надоело. Я устал – ночью смотреть кошмары, а днём слоняться по дому в ожидании.

Слава, казалось заснул, а я сидел и смотрел на него. Но он вдруг открыл глаза, посмотрел на меня и тихо заговорил:

– Это произошло мгновенно, (он закашлялся), мы ничего не слышали... Витя пошёл вперёд... я спросил, куда он направился... и тут же удар! Я упал. Виталий обернулся... а это чудовище... (он опять закашлялся).

Подошёл Володя, вколол ему ещё ампулу и сказал:

– Спи, Слава, успокойся.

– Володя, чем отличаются ваши пули от обычных пуль? – вспомнив слова Макса, напрямую спросил я.

– Они мощнее, – сказал он, не задумываясь. Но я ему не поверил.

К девяти утра погода наладилась: ветер стих, небо очистилось от туч, и сейчас было бездонно-голубым.

Слава, накачанный обезболивающим, тихо спал, как младенец. Остальные одиннадцать возились со своими приборами.

Я встал и пошёл к двери.

– Ты куда? – тут же спросил Володя.

– Посижу на улице.

– Нам нельзя сейчас рисковать.

– Не бойся, я возьму гранату, – съехидничал я. Естественно никаких гранат у нас не было.

– Я не шучу, – нервно сказал он.

– Я тоже... – спокойно ответил я, и вышел.

Тут же на улицу выбежал Серёга – десантник. Как он мне сказал, его отправил Володя, меня охранять.

– Надоел он мне, начальник ваш... – сказал я. – Что-то темнит, не договаривает.

– Не злись, Серёга, мы сами не всё знаем. Он из-за того такой, что столько ребят потерял, а результата никакого.

– Я ему сколько раз говорил, нельзя нас разделять, это только на руку волку. Он и оставшихся, как ягнят перережет, и толку от нашего похода никакого не будет.

Серёга мне ничего не сказал на это, только опустил глаза.

Мы сидели на лавке возле дома, лесную тишину нарушала только возня в избушке. В такую погоду лес был очень красивый. Всё окружающее пространство кристально-белое... только вокруг зимовья, метров на десять, снег пропитался кровью. Глазам было больно смотреть, на этот страшный, ставший уже оранжевым, ковёр. Взгляд остановился на трёх свежих, утренних пятнах. Меня передёрнуло.

– Ты чего? – спросил десантник.

– Вспомнил утреннюю потрошильню.

– Серёга, так ты в него попал?

– Да, наверное, вскользь...

– Странно... – задумался он.

– Чего странного-то?... – не понял я.

– Да так. Мысли вслух, – ушёл от ответа Сергей.

Я встал, передёрнул затвор карабина и пошёл в сторону свежих пятен крови.

– Ты куда? – насторожено спросил мой собеседник.

– Хочу посмотреть, куда побежал волк. Вдруг какие-нибудь следы остались.

Я присел. В стороне были немного видны отпечатки волка. Насколько это возможно, выдул из них свежий наметённый снег. Четырёхпалое углубление оказалось больше коровьего копыта. Я отправился по следу.

Волк свернул вправо и побежал, видимо, за автобусы. Дальше следы были сильно перебиты, вглубь леса идти бессмысленно. Когда повернул обратно к скамейке, то увидел, что Серёга стоит и держит свой карабин на изготовке.

– Расслабься, Серёга, – попытался успокоить его юмором, – он на меня не нападёт, я ему нужен живым, а вот вас он точно всех сожрёт.

Сергей нахмурился.

– Да ладно, тёзка, шучу, – я хлопнул его по плечу.

– Не очень-то и смешно.

Естественно я понимал, что его беспокоило.

– Они погибли из-за глупости, – уже серьёзно сказал я, – если Володя и дальше будет придерживаться такой же тактики, то через неделю, в живых никого не останется. Так что, Серёга, поговори со своим начальником.

Сергей молчал. Размышляя, я перебирал пальцами патрон, который мне подарил Серёга в день рождения – «в самом крайнем случае»... Пока у меня были только вопросы, а ответов никак не находилось.

Прошли ещё три томительных дня.

Шестого февраля началась пурга. Весь день мы сидели в избушке, не высывая носа. Я выпрашивал у Володи телефон, чтобы позвонить своей девчонке. Он долго не соглашался.

– Володя, ты же говорил не звонить родителям, но почему нельзя позвонить подруге?

– Сергей, не могу, не положено.

– Но я же ей не собираюсь рассказывать о нашей работе, – настаивал я, – просто хочу её услышать, понимаешь?.. Я соскучился.

Он долго не соглашался, но мне всё же удалось его уговорить.

– Алло... – подняла трубку Оля.

– Привет, принцесса!

– Привет... – сказала она, но как-то не очень довольна.

– Оль, ты что, не соскучилась?

– Почему, соскучилась... просто я устала. С работы только пришла.

– А мне уже надоело здесь, хочу к тебе быстрее.

– А ты ещё долго там будешь?

– Не знаю? – сказал я, а сам подумал, почему бы тебе, Оля, не сказать: «Ну, когда ты приедешь, я по тебе очень скучаю». В памяти всплыли два года близких отношений с Ольгой. В них было веселье, праздники. Конечно, и без небольших ссор не обходилось, но больше в них было понимания и любви. Как прекрасно всё шло. И вот совсем недавно, что-то изменилось...

– Ну ладно, ты звони, – прервала она мои мысли. – У меня ещё много работы.

– Хорошо, пока, – а внутри всё перевернулось. Ни черта она по мне не скучает. После этих мыслей, нажал сброс и отдал трубку Володе. Бойцы смотрели на меня. Один спросил:

– Что, проблемы?..

– Да так... как у всех... – махнув рукой, оделся, взял карабин и вышел.

Володя, тут же отправил за мной двух бойцов.

Из дома я пошёл прямо в лес. Вьюга разгулялась не на шутку. Порывы ветра были такие сильные, чуть с ног не сбивало. Снегом залепляло глаза, обжигало лицо.

Меня схватили за плечо и, перекрикивая ветер, заорали в ухо:

– Ты что делаешь?! Видишь, какая погода? Он же прийти может!

– Да уж по быстрее бы пришёл! Надоело ждать! Сидим, как кролики в клетке! – зло кричал я.

Эдуард, кучерявый, с перебитым носом здоровяк, следивший за датчиком движения, вдруг закричал:

– Быстрее им на помощь, зверь прямо перед ними!..

Все, кто, в чём одет, схватили своё оружие и выскочили наружу, исчезая в снежной буре...

Я стоял вдалеке от зимовья, спиной к лесу. Передо мной был Дима. Боковым зрением заметил, какое-то движение слева, там, где стоял Олег. Повернув голову, увидел, что Олега

нет...и тут же что-то чёрное, со всего маха треснуло мне в челюсть, да так, что у меня искры из глаз посыпались. Когда я отлетел в сторону, чёрная тень накрыла Дмитрия...

Всё как в тумане. Слышу крики, выстрелы... Кто-то взял меня за плечо, я выхватил нож...

– Это я, Сергей! – закричал десантник, отшатнувшись.

Убрав нож, с его помощью поднялся из сугроба. Мы подошли к лежащему на спине Олегу, ему пытались зажать рану на шее, но было уже поздно...

Дима лежал на животе. Он был мёртв. От всех этих картин, мне опять стало плохо, и тут же мой желудок вывернуло наизнанку. Я ошибался, к этому невозможно привыкнуть.

С Сергеем мы дошли до избушки, я сел на один из лежаков и закрыл глаза.

– Серый, может тебе воды дать? – спросил он.

– Нет, спасибо.

– Ладно, посиди, отдохни, а я пойду помогу им там убраться. Да и, кровь вытри, у тебя губа разбита, – и он вышел.

Вячеслав, который спал на соседнем лежаке, спросил:

– Сколько?

– Ещё двое, Дима и Олег, – тихо ответил я, вытирая кровь.

– Олег, какой?..

– Твой друг, с которым вы армию вспоминали, – сказал, но, наверное, зря.

Слава закрыл глаза и замолчал.

В избушку вбежал Володя, в глазах была тревога:

– Где Олег?..

– Какой? – не понял я.

– Кто оставался со Славой.

– Не знаю, мы с Сергеем пришли, здесь был только Вячеслав.

– Дьявол... – зарычал Володя и выскочил на улицу, я за ним.

У зимовья все ходили с фонарями, так как уже стемнело, да и снежная завеса не давала что-либо разглядеть. Кто-то закричал:

– Вот след...

Мы подбежали к нему. Походило на то, что волк, взвалив Олега на себя, следы были только от задних лап, и утащил его вглубь леса...

«Теперь я был уверен, на все сто, что это не просто волк...»

* * *

Боль настойчиво колотила в висках. Олег открыл глаза... «Где я?»

Обжигающая волна прокатилась по телу, пробуждая память.

«Он посмотрел на спящего Вячеслава, снял карабин с предохранителя и вышел на улицу. Неподальку, сквозь снежную завесу, были видны лучи фонарей. Он сделал два шага от двери, и... нестерпимо обожгло лицо, а следом, глаз сосущей болью вытек из глазницы... сознание отключилось».

Где он сейчас? Темно. Всё тот же, холодный ветер со снегом. Его куда-то несут. Куда и кто? Попытался пошевелить правой рукой. Ничего не вышло, она висела, как плеть. По болезненным ощущениям, скорее всего перелом. Сжал кисть левой. Цела! Для левши, то есть для него, это удача!

Сознание постепенно рассеивало туман. То, что увидел, а точнее почувствовал, его не обрадовало... Он лежал на спине огромного волосатого зверя, и тот, нереально быстро, куда-то его нёс. Олег попытался собраться с мыслями.

«Что делать дальше? Если его не убил сразу, значит, несёт к себе в логово, зачем? Лучше об этом не думать. Так, что у него осталось из оружия? Карабин, само собой остался рядом

с избушкой, пистолет на поясе он не чувствовал, значит, его нет, а вот нож! Всегда идеально отточен, как бритва, был крепко пристёгнут к ноге. Прекрасно! Как только зверь бросит меня на землю, я всажу его, ему в глотку».

Волк остановился.

«Так, Олег, приготовься...» – сам себе командовал он, стараясь не думать о боле.

Сильные лапы сняли человека со спины и бросили в слегка заметную яму в снегу. Олег куда-то провалился. Это оказалось подобие лаза. Прокатившись немного вниз по земляной норе, он уткнулся во что-то мягкое... После свежего, морозного воздуха, смрад полурасложившейся плоти, ударил в ноздри, да так, что Олег потерял сознание.

Сбросив человека в нору, оборотень аккуратно присыпал её снегом. Обойдя это место с другой стороны, подошёл к огромной коряге. Корень старого дерева, не разохся, не превратился в труху, он наоборот стал твёрдым, как камень. И этот огромный корень, служил дверью в логово волка.

Олег, так же мгновенно пришёл в сознание, как и потерял его. Сквозь веко он видел тусклый свет, и это было странно... Откуда свет в логове зверя? То, что увидел, открыв глаз, его ещё больше удивило...

Небольшая земляная комната, освещалась свечой. В землянке был стол и лежак с каким-то тряпьем, что ещё, он не видел, место, где сам лежал, было вроде глубокой ниши в стене.

А вот мягкое, во что влетел после падения в яму... были его товарищи, если можно назвать так остатки истерзанных тел. После такой картины, Олег уже не думал о боли. Он достал нож и приготовился к появлению врага. И опять же его поразило увиденное...

Огромный чёрный волк, если быть точным оборотень, а это был именно оборотень, прошёл мимо стола на задних лапах, и опять скрылся из поля зрения.

Чего только не видел в своей жизни Олег, но такое впервые. По коже предательски пробежал мороз.

«Зачем он им?» – промелькнула мысль.

И вот зверь опять появился, только другой... Шерсть стала не такой густой. В некоторых местах, даже показалась кожа: на груди, руках и ногах. А, что самое интересное, волчья морда втянулась и получилась полуобезьянья уродливая рожа, с слегка заострёнными, большими человеческими ушами.

Этот урод, поставил на стол, рядом со свечой, большую чашу и, повернувшись в сторону Олега, пошёл прямо на него.

Ладонь, сжимающая нож, сразу же вспотела.

«Ну вот сейчас всё и кончится», – весь напрягшись как пружина, подумал боец.

Звероподобное существо подошло к куче костей и истерзанных останков людей. Сверху лежал только что принесённый человек. Взяв за ногу, оборотень потащил его на себя... В этот момент Олег открыл уцелевший глаз... В глазах зверя мелькнуло удивление. Боец, насколько смог резко выбросил руку вперёд... но его враг оказался быстрее... Нож, вместо горла вошёл в плечо, волк взвыл, да так громко, что у Олега заложило уши, и в тот же момент звериная лапа пробила ему горло...

* * *

Этот вечер, из-за всеобщего молчания, мне показался очень долгим. Ужинать никто не стал. Далеко в лесу раздался ужасный волчий вой, все переглянулись, но никто так и ничего не сказал.

Было уже часов двенадцать и я собирался лечь спать, сегодня у меня не было дежурства, но тут Эдуард тихо сказал:

– Он здесь.

Все мгновенно поднялись, оделись, взяли карабины.

– Где? – спросил Володя.

– Перед домом, метрах в двадцати. Стоит не двигается.

– Так, два Сергея, Макс и Юра, со мной, остальные здесь, – командовал Владимир. – Ты Эдик, передаёшь нам каждое его движение.

Мы осторожно вышли из избушки и направились напрямик в лес. Ветер дул с правой стороны. Медленно продвигались в темноте, смотря в прицелы ночного видения.

Прошли метров двадцать – в рации тишина. Идти было трудно, из-за ветра со снегом. Впереди вырос бугор, как раз у нас на пути. Эдуард говорил, что он всё так же не двигается, значит, он сидит за бугром. Мы прошли ещё метра два. И тут в рации закричали:

– Точка раздвоилась!.. Он разделился!

– Эдуард, успокойся, – сказал Володя, – куда они двинулись?

У меня пошёл мороз по коже: «Значит, их двое... не может быть...»

Эдик, сбиваясь, говорил:

– Одна точка на месте, другая уходит. Сейчас один исчезнет из поля зрения... Возвращайтесь! Возвращайтесь! – Эдик продолжал кричать, а Володя пытался его успокоить.

Мы прошли ещё метра два-три. Остановились у бугра.

– Он здесь! – в рации раздались крики, выстрелы, и тут же, всё разом стихло...

– Он нас опять перехитрил, – сказал я.

Юра и Макс забрались на бугор, и сразу спустились.

– Кто там?

– Лось. Похоже, он его задрал и притащил на себе.

Мы повернули назад, шли осторожно, медленно. Замыкающему было труднее всех, он постоянно оборачивался.

И вот мы дошли... Наружного освещения не было, дверь в избушку приоткрыта, из неё падал свет. Я включил свой фонарь.

– Выключи... – зашипел Володя.

– Да пошёл ты! – сорвался я. – Если ты привёз своих парней на бойню, то я приехал на охоту!

Володя начал поворачивать на меня ружьё.

– Даже не думай, – мой карабин уже смотрел ему в живот. Между нами встал Сергей.

– Э-э! Вы чего?! Перестаньте, мужики. Нам со зверем надо разобраться, а не между собой.

Я опустил ружьё первым, обошёл Владимира и тут же наткнулся на Эдуарда... Он лежал на животе, но лицом вверх... Рядом с ним валялся датчик движения, вернее то, что от него осталось... Мы пошли дальше. Снег сильно ухудшал видимость, не давая понять, почему дверь не закрылась. Подойдя ближе, увидели. Между дверью и косяком лежало, полтуловища Николая. Нижней части по пояс, не было. Половина лица содрана.

Вошли в дом.

Кровь повсюду. Окно справа выбито вместе с рамой. Посередине комнаты, у печки, лежал Михаил с разорванной грудью. Напротив выбитого окна, на лавке, Слава. Его открытые глаза смотрели в потолок. Правая рука с пистолетом свисала на пол.

Макс подошёл, пощупал пульс... потом провёл по лицу, закрыл ему глаза.

Мы услышали хрип, обернулись. Слева от двери, где лестнице на чердак, сидел, навалившись на стену, Костя. Из рта у него текла кровь. Он придерживал рукой свои внутренности, которые вывалились из разодранного живота.

Все кинулись к нему. Володя вколол раненному обезболивающее. Он открыл небесно-голубые глаза, наполненные болью, и одними губами сказал:

– Слава в него попал...

После этих слов он обмяк. Володя, от злости, со всего маха ударил кулаком в стену, а я, как ни в чём не бывало, отошёл в сторону и, взяв топор, начал ломать полки.

– Зачем? – спросил Серёга.

– Надо, – ответил я.

Когда набралось достаточно досок, обернул их несколькими одеялами, чтобы ветер не задувал в щели, и забил окно. Воткнув топор в стену, повернулся. Все молча, наблюдали за мной.

– Ну чего вы стоите? Надо трупы убирать в ваши холодильники, – это я сказал так спокойно, что даже сам удивился.

Володя посмотрел на меня холодным взглядом, но ничего не сказал.

Макс, Юра и Володя носили тела в автобус, а мы с Серёгой их прикрывали.

Провели заново наружное освещение, (волк оборвал все провода). А когда всё закончили, просто молча сели, притворив дверь. Ветер выдул всё тепло из избушки, и только сейчас становилось теплее.

Я спросил у Володи:

– Ты вызвал подкрепление?

– Нет.

– Тогда может нам отсюда стоит уехать, пока не поздно?

– Мы... никуда не поедem... пока я не скажу, – ответил Володя, чеканя каждое слово, – Ты меня понял?

– Ты мне угрожаешь? – с улыбкой спросил я.

Володя, посмотрел на меня проницательным взглядом, и после паузы сказал:

– Нет...

– Тогда расскажи план наших действий.

Серёга меня поддержал:

– Да, Володя, что будем делать дальше?

Старшой выдавил из себя:

– Пока не знаю.

Я встал и спросил:

– Есть кто будет?

Все молчали, только Серёга кивнул в знак согласия. Поставив кипятиться чайник, стал разогревать еду.

Когда всё приготовилось, наполнил каждому тарелки, налил чай и позвал к столу.

Серёга подошёл сразу, а троица попыталась набить себе цену, надеясь, наверное, что их будут уговаривать. Но всё-таки за стол сели все.

На меня навалилось такое спокойствие. Да, да, именно спокойствие, а не безразличие, что я себя за столом вёл так, как будто ужинал со своей семьёй. Меня почему-то не пугало, что у нас теперь нет датчика движения. Что волк может подойти к дому вплотную, а мы даже не заметим. Я предлагал за столом, кому хлеб, кому чаю или кофе налить, и это спокойствие начало переходить и на других, за исключением нашего главного – Владимира. Он сидел такой же надутый, и молчал.

Я опять спросил у него после того, как мы поели:

– Ну, что ты решил, Володя?

Он заговорил:

– Мы будем сидеть здесь, и ждать пока он постучится к нам в дверь.

– Хорошая мысль, – с иронией подчеркнул я, затем встал и направился к лежаку, который стоял в углу. Улёгся, достал карманное радио, включил и настроил волну. Там кто-то пел из иностранных исполнителей, поставив его на лежак у стенки, закрыл глаза.

После того, как закончилась песня, начались новости. В них заговорили о волке-людоеде, то есть о нашем волке. Сказали, что он куда-то исчез; с конца января, ни одной жертвы.

– Не считая наших семнадцати, – с сарказмом сказал Сергей.

Вдруг что-то хлопнуло, но только очень громко хлопнуло. Этот же звук повторился ещё раз. Сначала мы не поняли, но после второго раза, сразу стали быстро одеваться. Последовали ещё два хлопка.

– Автобусы! – закричал Серёга и пулей выскочил из дома, за ним Володя, Макс и я, Юра нас прикрывал.

Мы подошли к первым двум автобусам, у обоих были порваны по переднему колесу, у одного правое, у другого левое.

По следам было видно, что волк побежал к двум другим автобусам. Юра шёл позади меня метрах в трёх, как вдруг погасло наружное освещение... И тут же послышался вскрик. Мой фонарь высветил оседающего Юру с разодранными лицом и шеей, а за ним стоял, вернее уже почти прыгнул, огромный оборотень...

Тут же прозвучал выстрел, это я нажал на спусковой крючок. Зверя отбросило на снег. Он встал и так же настойчиво, но уже медленнее пошёл на меня. Нажал второй раз. Его опять бросило на снег. Он снова пытался встать, и у него это стало получаться. Я прицелился ему в голову, и тут... мне что-то стукнуло по затылку...

Очнулся, почувствовав мокрое и холодное на своём лице. Голова раскалывалась. Попытался открыть глаза. Передо мной кто-то сидел. Всё расплывалось. Слышал, что мне что-то говорят, но голос был очень далёким, слов разобрать не получалось.

Когда полностью пришёл в себя, увидел перед собой Серёгу. Он стоял на одном колене сбоку и пытался развязать верёвку.

Я сидел на полу спиной к несущему столбу, руки связаны сзади, охватывая столб.

– Что, произошло? – спросил я.

– Серёга, извини. Мне надо было сразу тебе сказать, что Володя хочет поймать зверя, а не убить. Но я не думал, что всё так далеко зайдёт.

У Серёги на скуле краснело огромное пятно.

– А что с тобой случилось?

– Когда ты начал стрелять, Макс подбежал к тебе и ударил прикладом по затылку, затем стал пинать...

«Ах, вот почему у меня все бока болят, – теперь понял я. – Да, Макс был самым здоровым в нашей команде. Два с лишним метра ростом, плечи в два раза шире моих, а кулаки, чуть ли не с голову».

Сергей продолжал:

– ...я бросился его оттащить от тебя, он заехал и мне... Подбежал Владимир, закричал, начал приказы раздавать. Макс сказал отнести оборотня в клетку, у нас в одном автобусе клетка оборудована. Я вначале не хотел выполнять, но он заорал, что под суд пойду за невыполнение приказа президента. Пришлось тащить эту зверюгу в клетку.

– Постой, а разве я его не убил, я ведь в упор стрелял?

– Понимаешь... у нас пули специальные. Они усыпляют животное, а не убивают.

– Вот про какую разницу говорили...

– В общем, Володя отнёс тебя в дом, а мы с Максом закрыли эту тварь в клетку, но для него, снотворного оказалось мало, он очнулся и начал прыгать на решётку. Выбежал Владимир. Пока они его успокаивали, я побежал в избушку, и нашёл тебя без сознания, привязанного к столбу...

– Серёга, у тебя пистолет есть? – перебил его я.

– Нет, конечно, мне не дали. Единственное не понимаю, почему они взяли к себе в команду новенького, то есть меня?..

– Очень просто, кто-то ведь должен был со мной сойтись. Они ведь все не разговорчивые, а на фоне тебя, вроде как дружная команда. Жаль, нет у нас ничего боевого...

– Как нет, я же тебе на день рождения подарил один патрон! Он ведь боевой! С серебряным наконечником. Давай заряжу в твой карабин.

Серёга быстро достал патрон из моего кармана, перезарядил ружьё, положил и продолжил развязывать.

В этот момент открылась дверь. На пороге стоял заснеженный Володя с каменным лицом, держа в правой руке, что была без перчатки, пистолет «Беретта»... У них у всех были такие. Хороший пистолет итальянского производства, но что он сейчас делал у него в руке? Почему не в кобуре? Эта деталь почему-то меня очень беспокоила.

Стеклянными глазами он посмотрел на Сергея, и мёртвым голосом приказал:

– Встань.

Серёга, наверное, понимал, сейчас что-то говорить против, бесполезно... Ещё ослабил, на сколько это возможно узел на моих руках, и медленно поднялся.

Смагин, опять заговорил таким же голосом:

– Николаев, (это фамилия Сергея), ты не выполняешь приказы старшего по званию и по должности офицера... я закрою на это глаза, но в нашей группе ты не останешься. А ты, Сергей, больше нам не нужен, – почему-то от этих слов у меня участилось сердцебиение. – Ловля закончена, живцы нам больше не нужны.

Пока Смагин говорил, я усердно пытался высвободить руки из пут; когда почувствовал слабость на верёвке, Владимир уже направил мне в лицо девятимиллиметровый ствол «Беретта»... Я похолодел от страха. И тут вмешался Сергей:

– Володя, стой, стой, это неправильно, так нельзя. Я знаю, чем занималась ваша группа, но это же не тот, кого вы обычно убираете, это просто гражданское лицо. Он ни в чём не виноват.

Серёга был слишком хорошим парнем для их группы, я, наверное, долго буду вспоминать этот момент. Всё происходило, как в кино, только кадры шли очень медленно. Смагин, перевёл пистолет от меня в сторону моего защитника. Прозвучало два выстрела. Сергей отшатнулся назад, посмотрев себе на грудь. Тут же прозвучали ещё два выстрела, но стрелял не Владимир, выстрелы были на улице. Я не сразу понял, что произошло.

Серёга последний раз посмотрел на своего убийцу, и упал на пол.

Мне наконец-то удалось развязать руки. Правая, мгновенно скользнула на рукоять подпорочного ножа, он всегда болтался у меня на ремне...

Володя перевёл на меня ствол пистолета...

Когда я выдернул нож, в дверях появился огромный, чёрный, лохматый зверь. Его жёлтые глаза горели от ненависти ко всему живому. Из раскрытой пасти на пол струилась кровь.

На груди у этого чудовища, были видны кровоточащие раны от выстрелов. Видимо он сломал клетку, а Макс пытался остановить его пистолетом. Он был такой большой и такой глупый, этот Максимка.

Я откатился в сторону, в момент, когда зверь прыгнул на Смагина. Человек даже не успел повернуться, чтобы увидеть глаза смерти.

Очувтившись на спине Владимира, оборотень сразу воткнул свои смертоносные клыки ему в затылок, послышался жуткий хруст... Я понял, что если не нападу на оборотня первым, со мной будет то же самое, и изо всех сил вогнал нож в левый бок волку, тот взвыл, и наотмашь отбросил меня к стене. Ударившись об неё, я упал на пол, но тут же поднялся, хоть и с трудом. В полуметре лежал мой карабин, заряженный одним боевым патроном...

Оборотень, медленно, с усилием поднялся на задние лапы. Примерно одного роста со мной, (мой рост метр восемьдесят пять), он был таким, каким мне и снился: задние лапы короткие, непропорциональные туловищу. Руки-лапы мощные, с длинными острыми когтями.

Голова широкая, больше чем у обычных волков, а глаза... в глазах смерть. От такого взгляда кровь в жилах стынет.

Зверь стоял передо мной в нескольких метрах, из бока и ран на груди сочилась кровь, он тяжело дышал. Моё дыхание тоже было тяжёлым. В правой руке я держал нож, с него стекала густая, тягучая жидкость, такая же, как у оборотня из пасти. Мы стояли друг против друга.

Решив, что ждать смысла не было, бросился к карабину, а зверь ко мне...

Грохнулся на пол, рука схватила оружие, а палец лёг на спусковой крючок. В момент, когда хищник почти дотянулся до меня, прозвучал выстрел. Пуля попала в середину груди приостановив на мгновение прыжок, дав мне время откатиться в сторону. Оборотень грохнулся, но тут же попытался ещё раз подняться, и снова рухнул, замерев уже насовсем.

Я подбежал к Серёге, потрогал пульс, он едва прощупывался. Взяв тряпку, прижал её к ранам на груди, под голову, положил подушку с лежака. Каким образом мой защитник был ещё жив, не знаю.

Он пришёл в себя, и начал что-то бормотать, я приложил ухо к губам.

– ...беги отсюда... Смагин сообщил... тебя будут иска... – вырвался последний вздох, и его тело на полуслове отяжелело. Закрыв ему глаза, накрыл одеялом.

Интерес к волку у меня пропал, я быстро стал собирать свои вещи. Возле Володи лежал пистолет, подняв его, достал магазин, осталось тринадцать патронов.

«Любимое число», – печально усмехнулся, вставил на место магазин, и сунул пистолет в мешок.

Подняв подарочный нож, обтёр его и, вложив в ножны, ещё раз посмотрел на мёртвого оборотня. Тот почему-то не превращался в человека, как это показывают в кино. Тяжело вздохнув, я вышел на улицу и направился к джипу.

Проходя мимо последнего автобуса, который и был клеткой, увидел, что задняя дверь, а за ней и решётка выломаны. Рядом на снегу лежит обезглавленное тело Максима, голова торчала из сугроба метрах в двух от него.

«Получил своё! Карма. Он, наверное, и не знал такого слова. Если ты делаешь что-то плохое, тебе это возвращается».

Я сел в джип, тот долго не хотел заводиться, но минут через десять всё же сжалился надо мной. Мне надо было решить, куда ехать, мост ведь обвалился. И тут я вспомнил. Когда мы ходили по лесу, наткнулись на просеку, она шла километрах в трёх от зимовья. Машина тронулась по задуманному маршруту, разгребая сугробы, как ледокол льды.

Было уже девять часов утра седьмого февраля. «Хаммер», как огромная черепаха, медленно пробирался по заваленному снегом лесу. Пару раз он застревал, а лебёдка, которая была предусмотрена конструкторами на бампере, выручала.

И всё-таки джип сел на брюхо. Как не пытался его откопать, подкладывать ветки, валежины, всё бесполезно.

– Придётся идти пешком, – решил я.

Собрал все вещи, что брал с собой, упаковал их поудобнее, и только когда собрался идти, понял, что забыл лыжи.

– Чёрт, как же мог их забыть?!

Так как изменить ситуацию уже не мог, я ещё раз поел в тёплой машине, переобулся в унты, и пошёл вглубь леса.

Пока с погодой мне везло, ветра и снега не было. Солнце, отражаясь от безупречно белого снега слепило так, что невозможно разглядеть дороги. Перелезая через очередную валежину, та коротко хрустнула, обломившись, и я полетел вниз... это был овраг. Когда наконец-то остановился, левый бок горел от боли, лицо тоже сильно жгло.

Не шевеля телом, дотронулся рукой до лица. Через правую бровь и щёку, шла кровавая царапина. Приложив снег, ощутил сильное жжение. Попробовал встать. От острой боли закружилась голова, и я снова упал.

Ещё немного полежав, решился посмотреть на свой бок. Из окровавленной куртки торчал кусок щепы. Собрав всю смелость, что у меня была, в кулак, дёрнул. Хлюпнув кровью, острей коварного дерева вышло. От боли потемнело в глазах, я стиснул зубы и взвыл.

Хорошо, что не забыл взять аптечку. С начало вколол себе обезболивающее, затем обработав рану. Приложив тугий тампон заклеил подобием лейкопластыря. Глубокую царапину на лице тоже обработал, но заклеивать не стал. Потом собрал вещи и, преодолевая боль, встал.

«Из оврага вылезти не получится, очень глубокий. Это, наверное, тот, через который был мост. Почему он нам не попадался, когда мы ходили группой?.. Выходит, я заблудился. Странно, как его не заметил сейчас?..» – от боли все мысли путались и начало мутить.

Я шёл уже часа два, по этому оврагу. Все надежды выбраться из него, оставили меня. И всё-таки, Всемогуший сжалился надо мной. Впереди я увидел дерево, свалившееся одним концом вниз.

Помощь не была такой, как хотелось. Выбирался по гладкому стволу, примерно столько же, сколько шёл до этого дерева. Постоянно падая, а иногда и теряя сознание от боли, я крыл, на чём свет стоит, эту «лестницу». И всё же мне удалось. Отлежавшись на краю оврага, продолжил путь дальше.

Пробираясь по сугробам, я думал, что теперь точно заблудился. Выхода не было. Надо идти вперёд.

Время близилось к вечеру. Ноющая боль притупилась. Радовало то, что острая щепка погрузилась в бок не глубоко, не задев органы. Но всё же рана была не хорошая.

Выбрав более-менее ровное место, расчистил его. Нарубил лапника, уложил на площадку, на них поставил маленькую палатку. Она была из тонкой, прочной ткани. Поужинав в сухомятку, залез в палатку, застегнул её. Положил рядом с собой пистолет, потеплее укутался, поджал ноги к груди и мгновенно уснул.

Под утро меня начало морозить. Я понял, что это, скорее всего из-за раны, она постоянно ныла. После того, как поменял повязку, позавтракал. Начало светать.

Собрав вещи, отправился в путь. Чем дальше шёл, тем меньше у меня оставалось сил. Озноб продолжал трясти, я брёл весь день без остановок, пару раз терял сознание, когда приходил в себя, поднимался и двигался дальше. Сугробы задерживали меня, ставили подножки. От боли, голода и слабости звенело в ушах.

К вечеру начали сливаться деревья, вокруг всё плыло, но я шёл; боялся, что, если остановлюсь, то потеряю сознание и больше в него не вернусь. Да, это было бы смешно, выжить в схватке со зверем, а умереть от холода в лесу, и простой ветки, что проткнула мне бок.

Уже стемнело. В полусознательном состоянии забрался на какой-то бугор, справа увидел свет...

«А вот и свет в конце тоннеля...»

Сознание отключилось, и я упал...

* * *

Огромный зверь, ещё больше того, которого убил, стоял и смотрел на меня человеческими глазами. Шерсть чёрная, наполовину с сединой, это был старый волк. Из пасти хищника текла слюна, он хотел меня съесть...

Открыл глаза... Я лежал в какой-то комнате, не в палате.

«Странно, – промелькнула мысль, – вот уж не думал, что на том свете будут комнаты». Вдалеке слышались мягкие шаги, явно не в обуви, значит точно не в больнице.

– Наконец-то он очнулся, – сказала женщина. – Женя, иди сюда.

Не увидев женщины, опять закрыл глаза: «Так, зовёт какого-то мужика, зачем?..»

Послышались другие шаги, я рассчитывал, что тяжёлые, но они оказались еле слышными. Рядом со мной кто-то сел.

– Как ты себя чувствуешь? – послышался мягкий, музыкальный девичий голосок. Он напоминал летний, лесной ручеёк.

Я снова открыл глаза. Передо мной сидела молоденькая девушка лет восемнадцати-девятнадцати, в голубом атласном халате. Пшеничного цвета прямые волосы, падали на плечи. Её глаза, как два зелёных луга, были неестественно ярко-зелёного цвета. И к тому же ещё длинные ресницы. На овальном лице красовались маленький с горбинкой носик и красивые пухленькие губки.

Я посмотрел на неё. На щеках блондинки тут же выступил румянец, и она опустила глаза. Охрипшим голосом спросил:

– Где я?

– Ты у нас дома, в Новосибирске, – сказала Женя.

– Как я сюда попал? Я же был в лесу...

– Мы ехали от бабушки домой, ещё в феврале...

– Что?! – перебил я, пытаюсь подняться. – А сейчас, какое число?..

– Двадцать пятое марта...

– Как? Не может быть... Неужели столько был без сознания?

– Да. Мы даже не знаем, как тебя зовут.

– Сергей... – тихо сказал я, и вновь лёг закрыв глаза.

– Серёжа, тебе плохо? – тревожным голосом спросила Евгения.

– Нет, со мной всё в порядке... – грубо ответил я, тут же подумал: «Они мне жизнь спасли», – и сразу извинился. – Прости, не хотел тебе грубить, просто прошло столько времени, а обо мне, никто ничего не знает из родных... У вас есть телефон?

– Да.

Я хотел встать с кровати, но резкая боль в боку бросила меня обратно.

– У тебя ещё не совсем рана зажила, – ответила она, на немой вопрос, – Мы не повезли тебя в больницу...

– Почему? – не понял я.

– Так ты всю дорогу пока мы ехали, твердил: «Только никому обо мне не сообщайте... Пожалуйста... Из-за этого могут люди пострадать... Я сейчас оклемаюсь и поеду домой...» Ну и всё в таком духе.

– И вы поверили?.. – с сомнением посмотрел на неё я. – Я же был с оружием. Обычные люди так не ходят...

– Ты говорил про зверя, про каких-то спецов-москвичей, и мы решили, что это как-то связано с Сибирским Зверем-Людоедом что обитал в тех краях, о котором столько по телевизору говорят... Вот две наивные женщины, – она усмехнулась, – и поверили тебе.

– Что ж... – в голове был полный бардак. – «Будем считать это удачным стечением обстоятельств», – а вслух спросил. – Жень, а мои вещи?..

– Всё цело. Я постирала, починила и погладила, вон в шкафу висит, а оружие к тебе под кровать положила.

Сунул руку под одеяло... Я был голым.

«Значит, они меня полностью раздели. Ну, бабы!»

Мои глаза хитро прищурились.

– А если я, какой-нибудь маньяк?..

– Непохож ты на маньяка, – махнула та рукой.

– Слушай, Жень, ты умеешь хранить тайны?

– Умею, – заговорчески тихо сказала она.
– Тогда слушай... – и я рассказал всю свою историю.
– А зачем ты им? – выслушав, спросила она.
– Если б я знал...
– Тогда тебе нельзя возвращаться домой, они наверняка тебя там ждут, – как бы с надеждой сказала она.

– Всё равно мне надо вернуться.
– Зачем? – не понимала Женя.
– Пойми, я же должен узнать, чего они хотят от меня, да и прятаться всю жизнь не собираюсь.

– Делай, как знаешь, – сказала она и направилась к выходу.
Я смотрел ей в след – высокая, стройная, с пшеничными волосами, струящимися до пояса. Красивая...

В памяти всплыла Оля: каштановые волосы, серые глаза, тоже, как и Женя стройная, – интересно, ждёт она меня ещё, или нет? Да если и не ждала, соврёт как обычно, что соскучилась. Да, Серёга, не везет тебе с женщинами. Я закрыл глаза, и через некоторое время заснул.

Когда проснулся, начало светать.

«Так. Надо хоть что-то одеть».

Превозмогая, ещё не отпустившую боль, попытался встать. В глазах зарябило. Сел на кровать. Подождав немного, ещё раз попробовал подняться. Ноги затряслись в коленях. Прижав, аккуратно заклеенную рану рукой, прихрамывая, подошёл к шкафу. И только его открыл, как в дверь ворвалась Женя. Я стоял полностью раздетый. Густо покраснев, она отвернулась.

– Извини. Не думала, что ты уже встал.
– Ничего, ты ведь меня уже видела...
– Нет. Раздевала и лечила мама, а я тебя только кормила. Мама всё шутила: «Не смущай молодого человека», – вот я и не смущала.

– Хотел спросить.
– Да?
– Как же вы меня кормили в бессознательном состоянии?
– Капельницы. Ну и также, как в больницах бессознательных больных... – уклончиво ответила она.

Я посмотрел на руки. Синяков на венах было предостаточно. Одевшись, дал разрешение:

– Ладно, поворачивайся.

Она, опять была в своём коротком голубом халате, что почти не закрывал её стройные ножки, а я стоял в старом трико с оттянутыми коленями и майке. Вид у меня был отпадный. Мы оба засмеялись.

– Пойдём завтракать, – сказав это, она вышла из комнаты, я за ней. По дороге на кухню, завернул в ванную. Включив воду, чтобы умыться, поднял глаза к зеркалу. Лицо сильно похудело. Через правую сторону проходил уродливый шрам. Внезапно лицо начало меняться, быстро покрываясь серой шерстью; карие глаза стали звериными, челюсти вытянулись вперёд, из пасти торчали острые, длинные клыки... Я отпрянул от зеркала, и упал на пол, свалив за собой какие-то бутылки. На грохот прибежала Женя, удивлённо посмотрела на меня.

– Ты чего падаешь?
– Поскользнулся... – поднимаясь, ответил я. Глянул в зеркало, там не было никакого зверя.

Она вопросительно посмотрела на меня:

– Как тебе это удалось, у нас ведь коврик постелен и пол не скользкий?

– Не знаю, – пожал плечами я, а сам подумал: «Да, надо нервы лечить», – и, не умывшись, вышел из ванной.

Мы сели завтракать. Женя суежилась, пытаюсь за мной ухаживать. Мне было непривычно, ведь в основном я уделял внимание женщинам, а не они мне.

Она наклонилась над столом, чтобы долить чай. Мои глаза непроизвольно скользнули на её слегка распахнувшийся халат... и я увидел округлые, упругие груди... Хозяйка этого как будто не замечала.

Еле оторвав взгляд, уставился в тарелку с салатом. Она тут же запахла:

– Извини... – сказала Евгения, покраснев.

Я сразу попытался перевести разговор на другую тему.

– А где родители, на работе?

– Нет. Мама опять к бабушке уехала, на две недели.

– И часто она так?

– Да. Бабуля болеет, а она за ней ухаживает.

– А отец?

– Папы нет.

– Извини, – не расспрашивая, где отец, просто сказал я.

– Ничего, – как-то печально ответила она.

– Слушай, Женя, расскажи про себя, а то про меня ты почти всё знаешь, а я о тебе ничего.

– А что ты хочешь узнать?

– Ну, хотя бы чем занимаешься, кроме того, что кормишь меня.

Она улыбнулась, и после небольшой паузы начала рассказывать.

– Я учусь на юридическом факультете в университете. Хожу в бассейн – люблю плавать. Иногда посещаю спортзал. Если интересно насчёт дружбы, то у меня нет близкого, очень близкого друга, потому что... да чёрт его знает, почему нет.

– А пытаются хотя бы знакомиться?

– Не-а.

– Возможно, думают, что ты очень красивая, и у тебя обязательно есть парень.

– А я красивая?

– О да! Ещё бы... – я осёкся, – ну, в общем, ты симпатичная...

Мы замолчали. Быстро доев завтрак, поблагодарил, и сказав, что мне надо отдохнуть отправился в комнату.

Я валялся, буравя глазами потолок. Дверь неслышно приоткрылась, в щелку заглянула Женя. Увидев, что просто лежу, спросила:

– Можно войти?

– Вообще-то, это твоя квартира.

Она вошла.

– Серёж, кто такая Оля?.. – в лоб спросила Евгения. – Конечно это не моё дело...

– Я что, бредил?

– Да.

– Это моя девушка, – сказал я неуверенно, а про себя подумал: «Наверное, моя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.